ГДЕ НЕ ПОГИБЛО СЛОВО,
ТАМ ДЕЛО ЕЩЕ НЕ ПОГИБЛО
А. И. Герцен

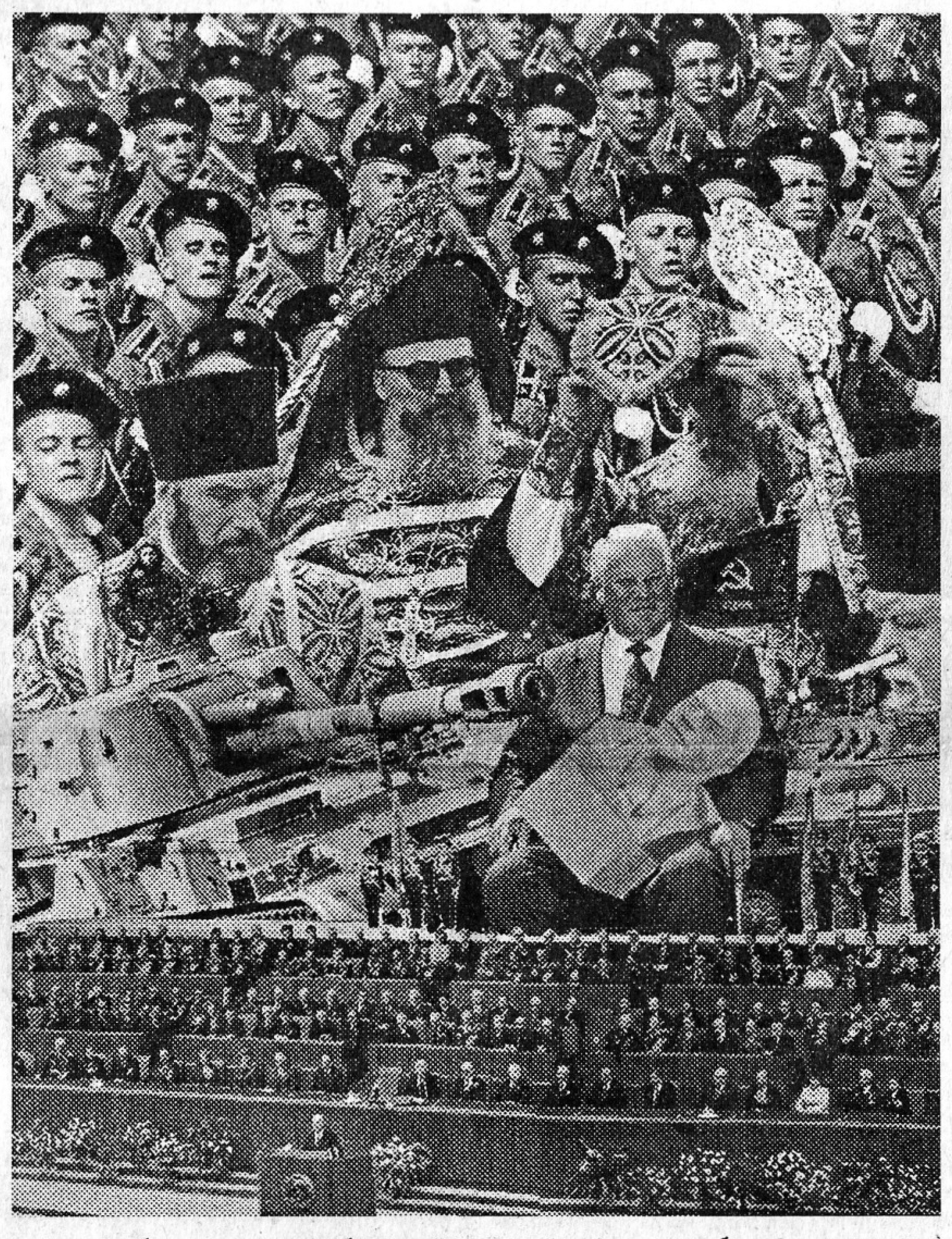

№ 3 (122)

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА
ИЗДАЕТСЯ С 15 ОКТЯБРЯ 1988 ГОДА

СВОБОДНОЕ СЛОВО

ВЫБОРЫ НОВОГО САТАНЫ

В преддверии грядущих выборов обсуждать смердящий политический труп Бориса Ельцина — скучно и неинтересно. Ельцин пропил свой политический капитал и сегодня уже не является реальным президентом. Что ему прикажут, то он и подписывает. О покойниках плохо не говорят, поэтому больше ни слова о Ельцине. Россией правят другие люди. «Партия власти» — пестра, но общее, что объединяет ее, — это жажда приватизации всего для себя. Делиться лидеры бюрократии не желают ни с кем, кроме своих верных вассалов.

В этих условиях о демократии говорить не приходится — в России сегодня обыкновенная недоношенная диктатура, только главного диктатора пока нет. Претендует на этот пост господин Черномырдин, который, наверное, лучше всех понял политические тенденции в России. Значительная часть собственности уже поделена. Каждый крупный бюрократ сегодня обзавелся банком или заводом, но не может уйти из политики на покой — это опасно — иначе все отберут другие молодые и жадные чиновники. В России по-прежнему власть есть лишь способ получения богатства. Пока не кончится период дележа награбленного партией Ленина у граждан государственного имущества, сановные наследники красных разбойников будут устраивать путчи и стрелять друг в друга из танковых пушек.

Но что за выборы грядут в декабре? Понятно, что Дума — фиговый лист на непристойном месте корпоративного авторитаризма. Любое решение Думы можно отменить президентским указом или голосованием в боярском по духу Совете Федерации, но наличие этого фигового листа скрывает от Запада то, что Запад упорно не желает замечать, — полное отсутствие демократии в России. Российское чиновничество проиграло холодную войну, и теперь демократия для чиновников есть лишь позорная дань победителям, но гораздо ближе для них остались имперские ценности. Зачем же тогда чиновникам выборы? Пусть за места в Думе борются политические шуты — Жириновский и Гайдар с Новодворской. Зачем Черномырдину понадобилось забросить свои обязанности премьер-министра и мотаться в экстренном порядке по губерниям и мобилизовывать крупных чиновников в свою партию? Покидать надолго теплое министерское кресло в Белом доме опасно, его могут занять другие.

«Наш дом — Россия» — ассоциация крупных бюрократов, от которой воняет империализмом. Такой организации еще не было, кроме КПСС, но большевики создали идеологию, потерпевшую сокрушительное поражение, и теперь эта ниша пока свободна. Девиз нового движения: «Вся власть и собственность — новой элите!». Если Черномырдину удастся создать такую партию — законодательное оформление диктатуры в России станет неизбежно. Главный министр собирает под свои знамена не московских болтунов из мифических партий с громкими именами, но реальных боссов региональных бандитских кланов, контролирующих власть, производство, финансы и мафию на подчиненных им территориях. Экономические отношения в России сегодня скорее неофеодальные, нежели капиталистические. Поэтому под пустыми либеральными заявлениями российских властей о реформах, свободе и демократии прячется имперская практика, воинствующая идеология мифа о славе великого православного Третьего Рима и желание применять методику крепостного права в условиях промышленного производства. Привлекательный образ империи формируется в умах российских подданных всеми возможными средствами. А империи нужен диктатор. Победа на выборах в Думе для их «Дома» в России не главная цель. Основная задача — объединить фактических владельцев страны в единую организацию и легитимировать свою власть и право на наворованную собственность.

У «домушников» нет будущего в условиях реальной демократии, но они на это и не рассчитывают. Поражение Страхова в Екатеринбурге не показатель. Черномырдин понимает, что ориентация в интересах узкого слоя элиты не может быть популярна у избирателей, и он готовится к этому. Победа на выборах для «Дома» — тактическая цель. Пока еще побежденная в холодной войне Россия и ее экономика очень сильно зависят от Запада, а Запад навязывает ей демократические правила игры и платит за это миллиарды долларов правящей элите. Поэтому видимость демократической процедуры будет соблюдена, но положительные результаты выборов в пользу «домушников» чиновничество обеспечит с помощью денег зависимого бизнеса и купленных прессы и телевидения, но если это не удастся, результаты выборов подтасуют. Уже создаются необходимые для этого структуры, в частности общенациональная компьютерная система подсчета голосов, манипулировать которой для властей проще простого. Но все-таки главная задача Черномырдина на декабрьских выборах — это проведение генеральной репетиции перед будущими президентскими выборами. Император дожен быть избран, пусть даже в результате фальсификации голосов. После этого в России наступит день 18 брюмера.

Главная сила демократии во всем мире сегодня — это средний класс. В России эта сила еще не сформировалась и не осознала своих политических интересов, она разрознена и аполитична. Бюрократическая элита держит за горло это сословие, и не случайно сегодня в России правительством Черномырдина проводится экономическая политика, направленная на удушение мелких и средних предприятий в пользу крупных. Меньшее количество крупных фирм легче контролировать, сидя в чиновничьем кресле. Поэтому на выборах партии и блоки демократической ориентации потерпят сокрушительное поражение. Для этого сделано много. Прежде всего уничтожается финансовая база демократического движения: средние коммерческие банки и частные фирмы, возникшие не в результате криминальной приватизации государственных предприятий, а благодаря уму и энергии их частных владельцев. Поэтому главным противником «Дома» на выборах будут коммунисты, идеология которых в большей степени отвечает интересам нищих и безработных, т.е. интересам большинства населения России.

Победа коммунистов на выборах — вторая реальная угроза для демократии. Но коммунисты не могут предложить ничего, кроме реанимации советской власти и идеологии грабежа. Они не способны наладить плановую экономику без проведения в стране кампании тотального террора. Это может привести лишь к новой гражданской войне. Обездоленные безработные и нищенствующие рабочие уже сегодня готовы встать с автоматами наперевес под красные знамена, если им разрешат пограбить буржуев и чиновников. От такой перспективы не будет в восторге Запад, ибо такая ситуация сулит будущую попытку реванша России за поражение в холодной войне. Черномырдин это понимает и рассчитывает на поддержку Запада сегодня. Война в Чечне — репетиция гражданской войны в России. Здесь куются безжалостные кадры для будущих «армий защиты бюрократии» и отрабатывается тактика ведения гражданской войны. Черномырдин, с одной стороны, разжигает эту войну, а с другой стороны, делает на ней себе имидж миротворца в глазах Запада. Ведь именно Черномырдин был первым лицом в государстве, когда началась Вторая кавказская война, Ельцин тогда сбежал от ответственности в больницу и всю власть передал Черномырдину. То же самое было и в период захвата больницы в Буденновске — Черномырдин первое лицо в государстве на время попойки Ельцина и Клинтона в Галифаксе. Сначала с его ведома российские силовые структуры убили около сотни российских граждан-заложников при неудачной попытке штурма больницы, а потом Черномырдин беседовал с Басаевым перед телекамерами и зарабатывал себе политические очки в глазах международной общественности, симулируя образ миротворца и противника войны.

Российская общественность, и особенно интеллигенция, уже сегодня готовы приветствовать победу на выборах «домушников» Черномырдина как наименьшее зло в сравнении с победой коммунистов. Слишком уж дискредитировали себя официозные демократы, погрязшие в воровстве и предательстве национальных интересов России, особенно после того, как многие из этих господ удрали на Запад с наворованными деньгами. Большинство готово признать Черномырдина демократом и простить ему нарушения прав человека и военные преступления за обещания порядка и стабильности. Страх перед гражданской войной помрачил разум общества, и оно готово признать власть силы в руках преступного меньшинства. Но в этом и кроется главная историческая ошибка. Трусливое общество само строит себе концлагерь. Диктатура, не отвечающая перед своими подданными, всегда ведет гражданскую войну против общества. Террор — основа деятельности любого авторитарного режима, а особенно террор против интеллигенции.

Интеллигенция сегодня готовит себе новые репрессии, голосуя за империализм. В этих условиях задача каждого гражданина состоит в том, чтобы сделать все от него зависящее для того, чтобы ни «партия имперской власти», ни коммунистическая оппозиция не получили желаемого результата на выборах. Либо ограбленная государством интеллигенция поднимется на защиту своих прав и в результате борьбы с мафиозным чиновничеством за свободу и собственность превратится в средний класс, в широкий слой свободных собственников, либо одна ее часть поедет умирать на Колыму, а другая, нищая и забитая, будет влачить жалкое существование в условиях перманентного экономического кризиса и разгула государственного бандитизма. В этом и состоит сегодня историческая правда. Будущее все равно останется за интеллигенцией, за образованным средним классом. Сегодня главная задача для интеллигенции — свергнуть возрождающуюся в России авторитарную диктатуру мафиозной бюрократии. Только после этого могут быть созданы настоящие условия для для реального становления частной собственности как основы современного демократического общества в России.

Владимир Матвеев

МОНОЛОГ НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Я обещал, свидетель — Бог,
Бандитам не платить налог.
С тех пор и пуля, и кинжал
Меня касались. Но держал
Я слово, данное тогда,
Ни разу не ответив «да»
Шпане ни мелкой, ни крутой...
Но нынче понял: кроме той...
Полнеба дыма и огня
Я вдруг увидел. То Чечня
Была в экране. А потом
Мелькнул разбомбленный роддом...
Я вспомнил многое теперь
И понял: нами правит зверь
В кругу такого же зверья.
Так на фига ж плачу им я
На их кровавый карнавал?
Ведь я ж когда-то слово дал.
Я обещал, свидетель — Бог,
Бандитам не платить налог.

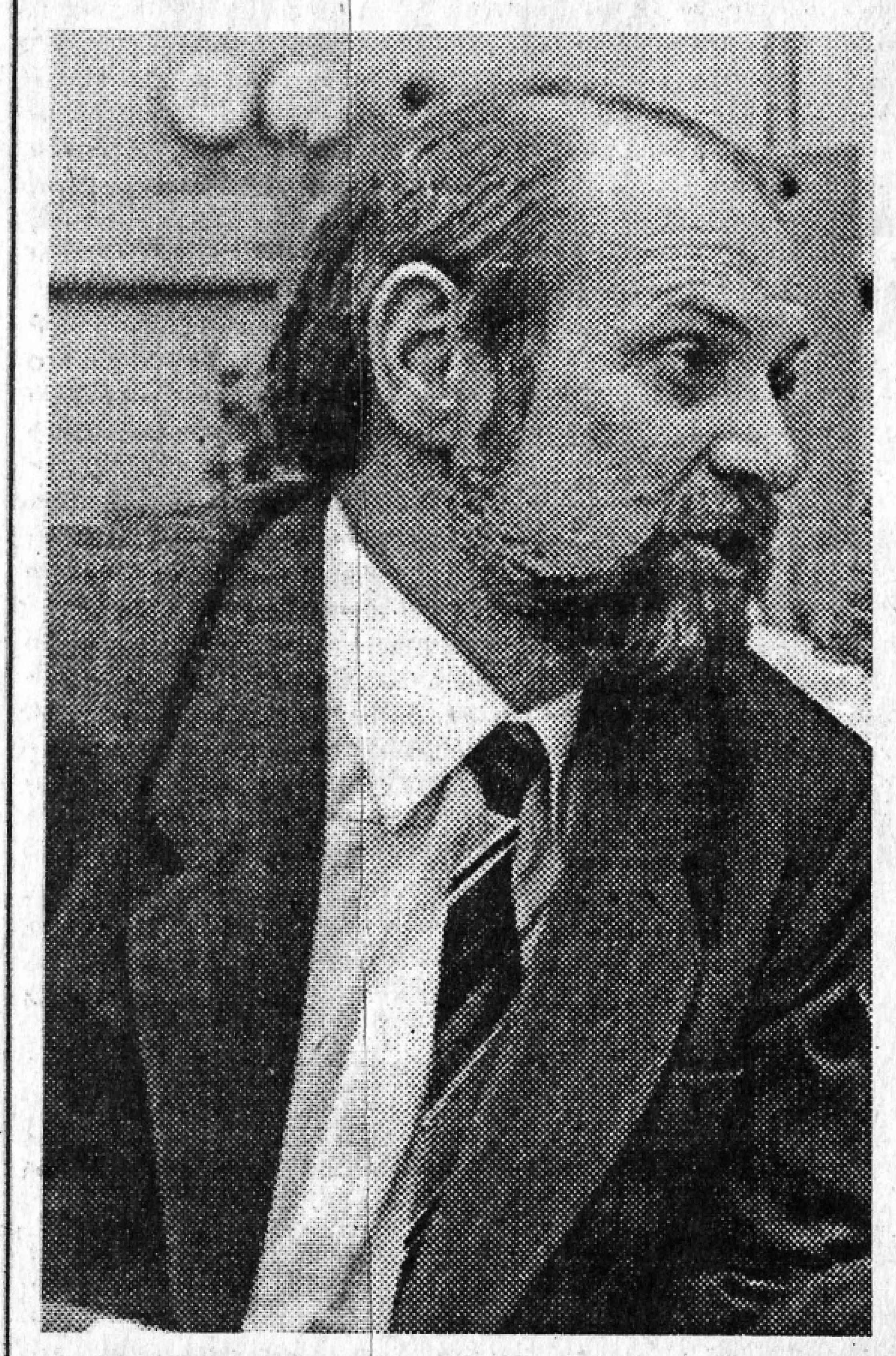
ЗАПИСКИ АНАРХИСТА

Коль вы перепили, свалились и тонете в луже,
Не стоит кричать, материться: бывает и хуже.
И коль ваша хата сгорела и спать вам — на стуже,
Не слишком печальтесь, поверьте: бывает и хуже.
И если в трубе вы застряли, и дальше — все уже,
Не нужно скулить, горевать, ведь бывает и хуже.
Но коль «ради блага Державы»
штаны вы затянете туже —
То тут уж я, право, не знаю, бывает ли хуже.

Стихи Дмитрия Воробьевского

ПРАВОЗАЩИТНИК ВИКТОР ОРЕХОВ ОПЯТЬ ЗА РЕШЕТКОЙ!

Виктор ОРЕХОВ — известный правозащитник. В 70-е годы капитан КГБ ОРЕХОВ работал в одном из отделов печально известного 5-го управления КГБ СССР против диссидентов. Вместе с ним работал майор Трофимов. Ныне генерал Трофимов стал начальником управления ФСБ Москвы.

Ознакомившийся по роду своей службы с книгами и идеями антисоветского сопротивления капитан КГБ ОРЕХОВ порвал с преступной коммунистической идеологией, он начал сознательно помогать правозащитникам. Он заранее предупреждал диссидентов о готовящихся арестах и обысках. За эту деятельность в мае 1978 года ОРЕХОВ был арестован и получил срок 8 лет, который он отбыл полностью.

После освобождения в 1986 году ОРЕХОВ стал предпринимателем, открыл небольшое ателье по пошиву одежды. Но он занимался и общественной деятельностью. Он выступал экспертом в правозащитных проектах по расследованию прошлой и современной преступной деятельности российских спецслужб. Он был экспертом на всех конференциях «КГБ — вчера, сегодня, завтра». ОРЕХОВ знает спецслужбы изнутри, знает преступное прошлое нынешних руководителей ФСБ, поэтому он и опасен для руководства ФСБ.

Сегодня Виктор ОРЕХОВ снова осужден, на этот раз на 3 года строгого режима по статье 218 УК РФ «За хранение огнестрельного оружия». Малознакомый человек оставляет в квартире ОРЕХОВА сверток на пару дней и исчезает. Сверток лежит нераспакованный 4 месяца. После этого ОРЕХОВ распаковывает сверток, в нем оказывается неисправный пистолет со сточенным бойком. Подобная практика провокаций известна с 70-х годов, в то время КГБ активно использовал этот метод против отказников.

Не оставляет сомнений в политическом характере дела ОРЕХОВА и то, что на суд оказывалось прямое давление и были нарушены элементарные процессуальные нормы, а самое главное то, что прошлая героическая правозащитная деятельность Виктора ОРЕХОВА и полученный им за это 8-летний срок в условиях так называемой «российской демократии» были оценены судом как отягчающее обстоятельство.

ДС-ИНФО

ЗАЯВЛЕНИЕ МКС ДС

Осужден на 3 года строгого режима правозащитник Виктор Орехов

Судьба этого человека необычна. Капитан КГБ Виктор Орехов в 70-е годы тайно помогал диссидентам, сообщая им о предстоящих арестах и обысках. Большинство правозащитников не знали его ни в лицо, ни по фамилии. Они знали только о его существовании и называли его не иначе, как «Клеточников», по фамилии героя-народовольца, служившего в царской полиции. Свой срок — 8 лет — он отбыл «от звонка до звонка» и вышел на свободу в 1986 году.

Сегодня бывший следователь КГБ по делу Орехова Трофимов возглавляет управление ФСБ г. Москвы. А Орехов, раскрывавший тайную деятельность КГБ-МБР-ФСК, опять за решеткой. Его осудили по сценарию 70-х годов — по сфабрикованному делу о незаконном хранении оружия. Суд и следствие велись с грубыми нарушениями процессуальных норм: прокурор оказывал давление на суд. 12 дней родственники Орехова и адвокат не знали о его местонахождении.

Примечательно, что суд счел правозащитную деятельность Орехова отягчающим обстоятельством. Тем самым нынешняя власть подчеркивает свою полную преемственность с прежним режимом, преследовавшим правозащитников. Атрибуты диктаторской власти — война, репрессии, политзаключенные. Все это мы имеем в России на сегодняшний день. Перекрасившийся КГБ мстит за прошлое, его суть и методы прежние. Возможно, осуждение Орехова — это проверка гражданского самосознания общества, которое при прежней власти безмолвствовало. Если сейчас не последует широкий протест, то список жертв политических репрессий будет продолжен.

Свободу политзаключенному Виктору Орехову! Нет — новым политическим репрессиям!

Московский координационный совет Демократического Союза в составе:

Павел Люзаков, Александр Майсурян, Владимир Матвеев, Дмитрий Стариков

ЭТО ПОХОЖЕ НА ПРОВОКАЦИЮ

Беседа с известным правозащитником Сергеем Григорянцем об уголовном деле Виктора Орехова, получившего 3 года строгого режима. Интервью подготовил В.Матвеев.

В.М. *Что вы можете как один из старых диссидентов и правозащитников сказать по нашумевшему делу Виктора Орехова?*

С.Г. Виктор Орехов был одним из трех сотрудников КГБ, которые предупреждали диссидентов. У нас были сведения о каком-то человеке, который выбросился из окна 4-го этажа закрытой квартиры в Ереване, были сведения о человеке, которого привезли в закрытом гробу из командировки в Сибирь, Орехов был среди них самый известный, только поэтому, видимо, его судили.

По видимому, в его осуждении сыграл неблаговидную роль Марк Морозов, человек, который был тогда осужден в первый раз, и ему Орехов передавал большую часть информации о предстоящих обысках и арестах. Так или иначе Орехов был арестован, получил 8 лет, в течение которых его уговаривали вернуться в лоно родной организации. Ничего из этого не вышло, он отсидел от звонка до звонка. Выйдя, с большими трудностями поселился в Москве, основал небольшое предприятие, которое шило очень дешевую одежду, и был одним из членов оргкомитета Конференции «КГБ — вчера, сегодня, завтра», и я видел, с какой злобой действующие сотрудники спецслужб воспринимали каждое его слово. А он со знанием дела выступал почти на каждой конференции.

В.М. *То есть его выступления были довольно опасны?*

С.Г. Они были профессиональны. Вообще у нас на Конференции выступают люди, которые знают, о чем идет речь, и Орехов, безусловно, был не последним из них. А для нас необыкновенно важным, поскольку даже бывшие сотрудники КГБ — люди очень непростые. Скажем, в выступлениях Олега Калугина есть много любопытного, но вполне очевидно, что он точно рассчитывает, что сказать, а что нет, и в каких случаях. А вот Орехов всегда говорил что думал, и можно было быть вполне уверенным, что сказанное им — совершенно точно. По-видимому, как и первое его занятие, так и последнее явились причиной ареста, который произошел по вполне отработанному сценарию.

В.М. *Этот сценарий еще где-то применялся?*

С.Г. Да, лет пятнадцать назад евреям-отказникам подбрасывали пистолеты со сточенными бойками. То же самое было сделано и сейчас, и человек, который оставил этот пакет, где было неизвестно что, бесследно исчез.

В.М. *Это был неизвестный человек?*

С.Г. Он приехал, познакомился, это было полгода назад, но после этого он не появлялся...

В.М. *Для чего подкидывают испорченное оружие?*

С.Г. Видимо, потому, что это было служебное задание, подсунуть действующее оружие все-таки нельзя. Зато потом этот пакет трижды перепаковывался, и в конце концов пистолет оказался действующим. Адвокат Рахмилович установил, что номера пакета менялись трижды, и в конце концов один из номеров пистолета исчез из документов. Производилась экспертиза не того пистолета, который был изъят. Есть целый ряд и других обстоятельств, вызывающих сомнение. Например, то, как профессионально работала вся команда, — следователи, милиционеры, подставные адвокаты, как все они сумели убедить Орехова, в общем-то опытного человека, в том, что ему ничего серьезного не грозит. Это была настоящая оперативная работа. И то, что он исчез, то, что девять дней никто не знал, где он находится, а по закону жена имеет право на свидание в течение суток со дня приговора, и она его получила, но не могла его найти ни в одной московской тюрьме. В связи со всеми выше перечисленными обстоятельствами это вызывает очень большие опасения. Просто так это не бывает. Больше того, когда мы говорили об этом в Генеральной прокуратуре, у меня было полное ощущение, что на самом деле они знают все, что связано с Виктором Ореховым.

В.М. *Дана команда ничего не говорить?*

С.Г. Да. И мы вместе с корреспондентом «Би-Би-Си» были просто выброшены из прокуратуры. Эта ситуация отвратительна не только для Орехова, но и для всех нас потому, что по-прежнему идет работа по добиванию тех, кого не успели добить вовремя. По созданию для этого серьезных оперативных разработок, выбору наиболее желаемых лиц, каким, конечно, и был Орехов. На его примере надо было проучить других и показать им, что ничего не проходит даром.

В.М. *На мой взгляд, сейчас идет ужесточение режима. И люди, занимающиеся правозащитной деятельностью, представляют собой как бы индикатор репрессивности властей, если их преследуют, значит ли, по-вашему, это, что режим ужесточается?*

С.Г. Они сегодня являются не только индикатором, но и самостоятельной целью. Это тоже определенный симптом проявления ситуации в стране.

В Верховный суд РФ,
Генеральную прокуратуру РФ,
Мосгорсуд,
Мосгорпрокуратуру
Копии: в Государственную Думу РФ,
Президенту РФ,
средствам массовой информации России и зарубежья

ЗАЯВЛЕНИЕ

21 июля 1995 г. Симоновский межмуниципальный суд г. Москвы под председательством судьи В.Григоряна приговорил за хранение огнестрельного оружия (ст.218, ч. 1 УК РФ) Виктора Орехова к трем годам лишения свободы в лагерях строгого режима.

В прошлом Виктор Орехов — политзаключенный, отбывший 8 лет в лагерях за то, что, будучи капитаном КГБ, тайно помогал правозащитникам.

Как показал в суде Виктор Орехов, оружие (пистолет) ввиду неисправности является небоеспособным, что не образует состава инкриминируемого ему преступления.

До поступления оружия на экспертизу оно изымалось посторонними лицами из пакета, опечатанного в отделении милиции в присутствии Виктора Орехова. Таким образом, были нарушены уголовно-процессуальные нормы, что создало возможность для фальсификации доказательства. При постановлении приговора в совещательной комнате судей находилась участвующая в деле прокурор И.Бобинова. Таким образом, была грубо нарушена тайна совещания судей (ст. 302 УПК РФ), что является безусловным основанием к обязательной отмене приговора (ст. 345 УПК РФ).

При определении меры наказания суд учел, что Виктор Орехов уже отбывал срок заключения, и назначил строгий режим содержания. Следовательно, политические мотивы первого приговора Виктору Орехову оказали влияние на второй приговор ему.

После взятия под стражу Виктора Орехова в зале суда от его жены и защитника скрывали место его нахождения.

Вся совокупность обстоятельств дела Виктора Орехова свидетельствует о преследовании его по политическим мотивам.

Мы требуем отмены неправосудного приговора Виктору Орехову, его освобождения, прекращения политического преследования.

Не оказав достойного сопротивления началу новых политических репрессий, мы рискуем не дождаться их конца.

Кирилл Подрабинек, 144005, Московская область, г. Электросталь, ул. Журавлина, 20-а, 119, Пинхос Подрабинек, Александр Лавут, Сергей Григорьянц, Мальва Ланда, Кронид Любарский, Валерий Сендеров, Вера Лашкова, Владимир Буковский, Юрий Орлов, Лев Тимофеев, Алексей Смирнов, Елена Санникова, Нина Лисовская, Людмила Алексеева, Павел Башкиров, Валерий Абрамкин, Анатолий Папп, Борис Миллер, Виктор Скаржинский (МОПЧ), Дмитрий Стариков (ДС), Ася Лащивер, Александр Годлевский, Надежда Орехова, Валерия Любимцева (ДС), Александр Майсурян (ДС), Павел Люзаков (ДС), Юрий Коржевский, Владимир Ушаков, Сергей Биец («Рабочая демократия»), Алексей Германов, Анатолий Гелескул, Евгений Фрумкин (ДС), Ольга Клюкина (ДС), Тамара Новикова, Анастасия Дроздова (ДС), Владимир Матвеев (ДС), Александр Верховский, Николай Храмов (АРА), Сергей Воронцов (АРА), Олег Горчанов, Станислав Соколов, Иван Струков (ДС), Валентина Рябкова (ДС), Елена Павлюченко (АРА), Михаил Чертилов (АРА), Евгения Корсак (АРА), Любовь Волобуева, Эдуард Шаров, Ирма Филиппова, Елена Лойк, Юрий Ив.Орлов, Вячеслав Ануфов, Анна Куренкова, Мария Годяева, Татьяна Мастюгина, Татьяна Ермакова, Ольга Жданович, Людмила Мартьянова, Галина Архипова, Александр Витебский, Аркадий Чудаев, Павлина Филиппова, Таира Каберова, Александр Мусихин (ДС), Марина Морозова (Движение в защиту демократии), Лев Убожко (Консервативная партия), Юрий Денисов (Консервативная партия), Владимир Филипенок (ДС).

НОСТАЛЬГИЯ

Весна 1988 года. Разговоры об объединении оппозиционных сил в партию велись широко в неформально-диссидентских кругах начиная с декабря. Новодворская перепугала этим предложением «сугубо правозащитный» международный семинар Льва Тимофеева. Но клич был кинут, и идея завладевала сердцами. Власти своим отказом даже разговаривать на равных с независимым общественным движением очень помогли дозреванию оппозиции. Разгон объединенного антисталинского митинга в марте поставил все точки над i. Оргкомитет по созданию Демократического Союза собрался на свое первое заседание второго апреля.

Москвичи, проезжающие 9 мая 1988 года мимо платформы Кратово, не могли знать, наблюдая группу оживленно спорящих людей, что оказались свидетелями зарождения Демократического Союза.

Пассионарной личностью, «мотором», тащившим партийное детище через ухабы и колдобины, была, безусловно, при всех ее недостатках, Валерия Новодворская, ставшая впоследствии и «могильщиком» партии. Что касается недостатков Валерии, то ограничусь главным. На мой взгляд, это — жертвенное кликушество, имеющее, к сожалению, глубокие корни в русской традиции: «дело прочно, когда под ним струится кровь» (Некрасов). Правда, заклинания Новодворской насчет того, что все мы, зачинатели открытого оппозиционного противостояния КПСС, должны жертвою пасть в борьбе роковой, лечь под танки и т.п., к счастью, так и остались потоком слов...

9 апреля, в очередной раз помечтав и поспорив, мы провозгласили общие принципы, которыми будем руководствоваться и которые закладываем в проекты Декларации, Программы и Устава организации:

— отказ от насилия как средства решения социальных и политических задач;

— максимальная свобода действий членов ДС в рамках программы;

— придание приоритета правам личности перед интересами государства;

— экономический и политический плюрализм;

— демократическое решение национального вопроса;

— безоговорочное осуждение тоталитаризма и ряд других.

Готовили документы в большой спешке, ждали, что нас в любой момент прихлопнут, и поэтому хотелось успеть выкрикнуть главное.

«Человек рождается свободным, и нет ни одной идеологии, ни одного социального идеала, которые возместили бы ему утрату этой свободы.

Исконное право человека — это право на сомнение, поиск, на несогласие с большинством, на заблуждение и на отстаивание своей концепции. В сущности, свобода — это право быть против. Этой свободы мы постепенно лишались с октября 1917 года, пока не лишились ее совсем, и это предопределило весь дальнейший ход нашей истории» (Демократический Союз. Пакет документов, М., 1988).

Это строки из нашей Декларации. Более заземленные вопросы в конкретных разделах программы одолеть было не так легко. Серьезные профессора, которым мы отдавали наши проекты на проработку, спрашивали, а где у нас анализ расстановки классовых сил в стране, на какие слои, на какие структуры мы будем опираться в попытке свалить существующий строй. Где эти самые демократические силы, которые нас поддержат? А мы сами не знали. О готовящейся за кулисами номенклатурной революции еще не догадывались. Видели то, что было очевидно, — что гражданского общества, т.е. не зависящих от государства общественных институтов (самостоятельных общественных ассоциаций, фондов, независимой церкви, профсоюзов и т.п.), у нас 70 лет как нет, слабенькие расточки только-только появляются... Демократическую революцию делать пока не с кем, так что задачи у нас скорее — просветить своим «героическим примером». Конечная цель — передача власти Учредительному собранию.

Как ни странно, и этого уже было немало. Слова наших первых агитаторов, вооруженных пакетами дэзсовских документов, воспринимались многими как глоток свежего воздуха: «По эмоциональному воздействию программа Демсоюза до сих пор остается непревзойденным политическим документом эпохи... Благодаря искренности этот документ обладал немалой агитационной силой» («С утра до вечера сегодня», Вечерняя газета, СПБ, 4.05.93).

Агитировали мы за тривиальные вещи. Говорили, что большевики своей монополией на власть и на все на свете загнали страну и полмира в тупик. Что установление многопартийной демократии и плюрализма собственностей поможет решить наши проблемы и т.п. Тогда это казалось чем-то новым для советских людей и ужасно смелым.

Еще 9 апреля решено было провести Учредительный съезд в Москве с 7 по 9 мая. Так что у плотно наблюдавшего за нами КГБ было достаточно времени тоже на предсъездовскую вахту. И сорвать съезд могли превентивными арестами, и разогнать в первый же день... Ничего этого не было сделано. Думаю, что в какой-то мере мы были для мимикрирующего КГБ, да и для «команды Горбачева» своего рода опытной лабораторией: мы генерировали и внедряли в общественное сознание какие-то новые идеи и понятия, а власти смотрели, что из этого получится и чем можно поживиться в плане безопасного для номенклатуры идеологического переодевания.

О нашей сразу бросавшейся в глаза многофракционности пишет, в частности, американский исследователь Майкл Макфаул, взявший множество интервью у «новых лидеров»: «Демократический Союз представляет коалицию либералов, социал-демократов, анархистов и даже коммунистов, объединенных, однако, двумя возмутительно радикальными для Советского Союза 1988 года задачами: развенчание культа Ленина и создание многопартийной демократии. Демократический Союз отнюдь не собирался помогать Горбачеву добиваться успеха в его реформах, выступая скорее за свержение всей советской системы целиком». (Michael McFaul, Sergey Markov «The Troubled»).

Фракционное деление наметилось еще в Оргкомитете. Рассадниками классического «буржуазного либерализма» выступали руководители семинара «Демократия и гуманизм». Мы с Кузиным и Лукашевым образовали социал-демократическую ячейку, выступая за смешанную многоукладную экономику и поиск «золотой середины» между неограниченной властью государства и неограниченным произволом частника, который может быть не менее страшен. Нужно сказать, что фракционное строительство мы так никогда и не завершили.

Большим начальным успехом ДС я считаю включение в нашу когорту младомарксистов из МГУ, Андрея Грязнова и Александра Элиовича, физиков и философов. Именно они и образовали у нас фракцию демокоммунистов. Не было в нашей партии более непримиримых врагов КПСС, за исключением, может быть, самой Новодворской, чем эти марксисты-антиленинцы. Хорошая теоретическая подготовка и отчаянная смелость во всевозможных запрещенных акциях делали их просто находкой для партии. Правда, сначала их фракция называлась несколько неудачно: «еврокоммунисты». Народ на митингах дивился чудному слову: «Кто вы такие, евреи, да еще и коммунисты, что ли?», припоминая один из лозунгов гражданской войны: «Бей жидов и коммунистов!». Название вскоре сменили на «демокоммунисты», т.е. коммунисты-демократы, а потом и сам коммунизм из Элиовича и Грязнова, помоему, куда-то испарился...

Итак, учредительный съезд ДС открылся 7 мая 1988 года торжественной речью Валерии Новодворской, которую сменил Александр Лукашев. В переполненной квартире Владимира Богачева, что как раз напротив Белого дома, сбилось человек 150, включая корреспондента «Гардиан» Мартина Уокера, мужественного друга диссидентов, и кого-то из «Московских новостей». Почти сразу пришлось забаррикадироваться изнутри, отказывая в приеме опоздавшим (среди них оказался редактор «Гласности» Сергей Григорьяц), так как в квартиру начали ломиться милиционеры и гебисты в штатском.

Все мы были «под колпаком» вездесущего комитета. Все наши адреса и явки были ему известны. Диапазон возможных «игр» с нами был достаточно широким — выяснять личность по много часов в отделении милиции, арестовать якобы за нарушение общественного порядка, подослав «своего» хулигана, который нападет первым и потом будет орать, что ты его избиваешь. Иногородних, согласно секретной «олимпийской» 1980 года инструкции по очистке Москвы от бродяг и проституток, могли в любой момент схватить и выслать домой, что в последующие дни съезда и сделали... Можно. Но интереснее, наверно, было «дирижировать» нашу работу или срывать ее через свою агентуру. Во всяком случае, ясно, что наш съезд должен был состояться и по их номенклатурно-гебистским планам. Возможно, разные звенья аппарата власти играли в разные игры. Для КГБ, как я уже говорил, состоявшийся съезд оппозиционной партии мог быть полезен в плане придания большей значимости своей работе. Для какой-то, пока таящей свои намерения части верхнего эшелона власти мы были средством подготовки общества к предстоящему отказу от коммунистической идеологии. На недостаток внимания к своей нескромной деятельности мы не могли пожаловаться: операторы спецслужб денно и нощно вели съемку и запись.

Вопрос о том, быть ли ДС партией или просто общественной организацией — союзом непартийного типа и без фиксированного членства, дебатировался на съезде до последнего дня. Вот что вспоминал об этом незадолго до своей трагической гибели один из основателей ДС Александр Лукашев: «...Новодворская и другие, я в том числе, настояли на... концепции, которая выработалась еще в 70-е годы: невозможно решить ни одной правозащитной проблемы, не изменив социальный и политический строй в стране. Поэтому, естественно, мы выступали за создание партии...»

«...Выборы Центрального Координационного Совета уже проходили на железнодорожной платформе при отсутствии части членов ДС, почему потом 4 или 5 человек были просто исключены из ЦКС. Возвращаясь к вопросу о создании партии — это был второй вопрос третьего дня работы съезда, — большинством всего-навсего в один голос ДС был провозглашен партией. Из членов Оргкомитета против создания партии голосовали социалисты (Хрипков и Зверев — Ю.С.) и Игорь Царьков» («Вполголоса». Дискуссионный листок партии ДС. Московская организация. N 2, 1991).

* * *

Первый раз я обратил внимание на Жириновского, когда он ораторствовал перед толпой делегатов съезда у опечатанной милицейскими погромщиками дачи в Кратово. Жириновский кричал, что он юрист, и предлагал составить и куда-то везти то ли ноту протеста, то ли петицию властям. Затем он оказался избранным в ЦКС. Как рассказывал мне Виктор Кузин, бывший в 1991-1993 гг. председателем подкомиссии Моссовета по защите прав граждан, к ним в Моссовет приходил раскаявшийся провокатор, которого внедрили на учредительный съезд ДС и который сообщил, что ему было поручено выкрикивать имя Жириновского, когда начнутся выборы руководства ДС. Как вспоминает в своих мемуарах Валерия Новодворская, Жириновский даже отказался вступить в ДС, однако соглашался им руководить, предлагая нам принять все условия коммунистов, чтобы потом «вонзить им нож в спину». Я помню только, что он предложил ДС признать советскую конституцию и заявить, что мы создали свою партию «в интересах строительства коммунизма». Конечно, это предлагалось «по тактическим соображениям», однако в подобные игры никто, кроме Жириновского, играть не хотел. Поскольку Жириновский долбил свое, не умолкая, и просто срывал нам работу, было решено корректно от него избавиться. Ввиду того, что люди из Питера и некоторых других городов были депортированы, мы признали неправомочным избрание Центрального Координационного Совета (ЦКС) в их отсутствие, и до следующего съезда закрепили «исполняющими обязанности» членов Оргкомитета, куда Жириновский, возникший на съезде как джинн из бутылки, естественно, никогда не входил.

4 мая 1993 года петербургская «Вечерняя газета» писала: «Демократический Союз вошел в политическую жизнь страны как «крайний», как наиболее радикальный и боеспособный отряд демократической оппозиции коммунистическому режиму, готовый принимать на себя, так сказать, все шишки от властей предержащих. Этим была значительно облегчена легальная деятельность более умеренных организаций, таких как тот же «Мемориал», в котором члены ДС составили радикальное крыло.

Так что если Демократический Союз и не стал полноценной политической партией «по всем правилам», то уж в качестве протопартии или партии переходного периода, предтечи новых партий и движений, он свой заметный след в истории России оставил.

«Демсоюз не стал политической партией в подлинном смысле этого слова. Но роль его не в этом. Он явочным порядком реализовал идею многопартийности, стал живым символом политического плюрализма. ДС стал очень нужным раздражителем общественного мнения, заставил людей думать.

Никто из членов ДС не вошел в когорту сегодняшних ведущих политиков... ДС действовал не для себя, а за идею. Но я думаю, что его основателям будет приятно, если нынешний цвет наших демократов лишний раз вспомнит, что путь в политическую элиту им помогли открыть шумные и невоспитанные хулиганы из Демократического Союза» («С утра до вечера сегодня», Вечерняя газета, СПБ, 04.05.93).

Приведенная оценка роли ДС питерским учителем истории Александром Скобовым очень лестна, но все же я думаю, что никто из дэзсовцев в нынешний политический истеблишмент не вошел не столько из-за своей известной «внесистемности», сколько из-за чувства омерзения, вызываемого деятельностью «нынешнего цвета демократов», в благодарности которых мы отнюдь не нуждаемся. Собственно, сказать такое о позиции всех основателей ДС я не могу. Стыдно за Валерию Новодворскую, которая сегодня рвется в эту самую «элиту», но ее пока придерживают в лакейской...

Любопытно вспомнить, как реагировала на съезд ДС советская печать. Вот что писала 14 мая 1988 года «Московская правда» об открытии этого мероприятия:

«В тот майский вечер она (Валерия Новодворская) с особой торжественностью раздавала «неформалам» бумажные кругляши с надписью «1 съезд Демократического Союза».

Ну что ж, пройдем вместе с делегатами, предусмотрительно спрятавшими значки под плащи и куртки, на улицу Рочдельскую, где в доме 11/5... проживают супруги Богачевы. Туда прошли более ста делегатов — москвичи и гости из Ленинграда, Киева, Томска, Калуги, Краснодара и других городов.

Доклад сделал член «оргкомитета» Александр Лукашев. Начал он с патетической ноты: «Сегодняшний день войдет в историю страны как особенный... О нем мечтали наши идейные предшественники все семьдесят лет господства режима насилия и подавления всякого свободомыслия»...

Вот что сказал причисляющий себя к еврокоммунистической фракции ДС Андрей Грязнов:

— Мы в принципе не согласны с посылкой, что социализм не имеет права на существование. Наше общество может стать подлинно демократическим...

Запомнился надрывный, срывающийся на крик голос Новодворской, словно бы на плацу она перед строем:

— На тему нашей платформы дискуссий не допустим, она уже принята...»

В одной партии прекрасно уживались либерал-демократка Новодворская, социал-демократ Лукашев и еврокоммунист Грязнов вместе со своими платформами! Одергивать приходилось лишь тех, кто вел подкоп под то немногое, что нас объединяло — непримиримую оппозицию по отношению к существовавшему в СССР тоталитарному строю.

МУЗЫКА ЧИЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Чилийская революция 1970—1973 гг. один из самых ярких моментов новейшей истории Латинской Америки. Горькое эхо ее поражения, прокатившееся по миру, пересекло даже границы СССР. Разумеется, брежневская пропаганда использовала чилийские события в своих целях, но для многих советских людей переворот 11 сентября 1973 года действительно стал настоящей трагедией. Позже были написаны сотни статей и десятки книг, проанализированы, правда, в основном в духе советского марксизма, политика и экономика Чили периода Народного единства, стратегия и тактика левых и правых сил, многообразие форм организации и самоорганизации народа. Но сегодня СМИ, когда-то размашисто «клеймившие» фашизм, доказывают, что революция — это исключительно грязь, кровь, «разгул бессмысленного насилия» и «гибель лучших сынов», и настоящим героем выставляют генерала, «наводящего порядок», тем более что на парады генерал надевает белые перчатки, а это так благородно! Нет смысла спорить со сторонниками такой точки зрения, революция от их болтовни не зависит, да, кстати, и генералы с ними не очень-то считаются. Но стоит еще раз вспомнить о том прекрасном и трагическом времени, когда далекая южноамериканская страна, ошибаясь, путаясь, отступая и снова бросаясь вперед, пыталась проложить дорогу к новой жизни для себя и для всех, кто мог бы пойти следом. Чилийская революция — слишком большая тема для статьи. Поэтому вспомним только об одном, о музыке.

Борьба против культурной экспансии

В начале 60-х североамериканские гиганты звукозаписи наладили сброс нераспроданной в США продукции в Латинскую Америку. В Чили тоже наступил «век диск-жокея». Подавляющее большинство радиостанций в стране принадлежало корпорациям, связанным с иностранным капиталом, и англоязычная музыка заполнила эфир. Истэблишмент навязывал свои вкусы всему народу. Против культурной экспансии выступила чилийская интеллигенция; это закономерно привело ее к союзу с социалистами и коммунистами, представлявшими наиболее отчетливую альтернативу проамерикански настроенной олигархии. На выборах 1964 г. левый блок выдвинул в президенты социалиста Сальвадора Альенде, но победил христианский демократ Фрей. Однако, не поддавшись унылой атмосфере поражения, чилийские музыканты решили создать некую альтернативу официальной культуре. Так в Сантьяго возник клуб-пенья «Лос Парра». Посетители пеньи, сидя в страшной тесноте в темном прокуренном помещении, готовы были слушать музыку по четыре часа подряд. Выступали артисты, не избалованные вниманием средств массовой информации. Они исполняли фольклорную музыку и свои песни. Организаторы клуба, Анхель и Исабель Парра, знакомили публику с «андерграундом» других стран Латинской Америки, используя доселе почти неизвестные в Чили индейские инструменты — чаранго, сампонио, бомбо. В пенье выступал и молодой театральный режиссер Виктор Хара. Пример "Лос Парра" неожиданно оказался заразителен. К 1967 г. пеньи возникли во всех крупных городах. Музыкальное направление, заложенное в пеньях, взялись развивать студенческие группы «Инчи Илимани» и «Килапаюн» — в переводе с индейских языков соответственно «Солнце над горой Илимани» и «Три бороды». Но известность за пределами клубов они получили позже, когда молодежная организация компартии открыла свою фирму звукозаписи ДИКАП — дискотека народной песни. Виктор Хара еще студентом вступил в компартию, которая тогда только что вышла из подполья и, благодаря авторитету Пабло Неруды, пользовалась большим уважением среди интеллигенции. Надо сказать, что множество чилийских левых имели о советской «коммунистической» действительности представление примерно такое же, какое мы и по сей день имеем о реальных проблемах Южной Америки, то есть практически нулевое, а те факты, которые были им известны о Кубе и СССР (образование, здравоохранение, отсутствие безработицы, противостояние с США) — говорили, конечно, в пользу «реального социализма». Социализм для Чили в их понимании означал политическую и экономическую независимость, демократические преобразования — возможность для трудового народа решать судьбы страны — и перераспределение национального богатства в пользу большинства населения. Идеологические этикетки не имели решающего значения, по крайней мере на первом этапе революции. В начале 1967 г., когда от Гватемалы до Боливии разгоралась партизанская война, Виктор Хара написал песню «Неуловимый» (El aparecido), посвященную лидеру континентальной герильи Че Геваре. Песня не понравилась руководству компартии; в Чили коммунисты и социалисты считали возможным осуществить революционные перемены в рамках парламентской демократии и предпочитали говорить о «невооруженном пути». Молодежное движение конца 60-х не миновало Чили. Борьба студентов за университетскую реформу сопровождалась оккупационными стачками. В мае 1968 г. состоялся обмен телеграммами солидарности со студентами Парижа. Но, в отличие от Франции, в Чили лидерами движения были коммунисты. Колонны демонстрантов распевали песни «Килы», «Инчи», Виктора Хары; сами авторы были тут же, среди студентов. Демонстрации атаковали "групо мобиль" — чилийский ОМОН; центр Сантьяго становился ареной боев. К октябрю студенты победили; а левые музыканты, завязав контакты с профсоюзами, получили теперь доступ к широкой аудитории в обход враждебных СМИ. Виктор Хара и «Килапаюн» выступили на цементном заводе «Мелон». Концерт имел огромный успех, который многих удивил, ибо тогда еще казалось, что некоммерческая музыка, сугубо чилийская, без электрогитар, не может быть популярной. Но эта музыка уже стала частью социального и политического движения. В 68-м, в разгар вьетнамской войны, Виктор Хара побывал в США. Он выступал в студенческих кампусах перед хиппи. Хотя в Чили ничего подобного не наблюдалось, Виктора они не шокировали. Выяснилось, что публика они очень отзывчивая. Но Хара был убежден, что они никогда не совершат революции, даже «цветочной», потому что наркомания лишала движение взрывной силы. «В стране, где в твоих руках весь мир благодаря средствам массовой информации, жить гораздо труднее... У нас не чувствуешь себя столь подавленным бесполезностью своего существования. Здесь нет времени сделать выбор или хотя бы подумать о нем; кажется, что никто не осмеливается быть самим собой... Хотя Чили находится еще в руках США и к тому же имеет другие недостатки, по крайней мере у нас хлеб — это хлеб, а земля — это земля. Будем надеяться, что они никогда не «цивилизуют» нас», — писал Виктор своей жене Джоан.

Перед выборами

9 марта 1969 года полиция открыла огонь по крестьянам, которые заняли пустырь на окраине города Пуэрто-Монт. 8 человек, в том числе девятимесячный младенец, были убиты. Всеобщее возмущение этим преступлением вылилось в сражение с полицией на улицах Сантьяго. 13 марта, на демонстрации протеста, Виктор Хара впервые исполнил песню «Пуэрто-Монт», которая окончательно поставила его в ряды смертельных врагов правящей олигархии. Правые пытались срывать его концерты, но безуспешно. На официальном песенном фестивале песня Виктора «Призыв к землепашцу» («La plegaria a un labrador») получила первый приз. Тем временем назревали большие перемены — разворачивалась кампания по выборам президента. Левая коалиция Народное Единство (Unidad popular — UP) после мучительных колебаний вновь выдвинула своим кандидатом Альенде. Предвыборные страсти проникли в каждый уголок Чили. Люди теряли работу, ссорились с друзьями, были вынуждены определить свое отношение к целому ряду проблем. Левые имели широкую поддержку среди рабочих, крестьян, молодежи, но не имели финансовых ресурсов; это ставило их кампанию в зависимость от мобилизации народа. Были созданы тысячи местных комитетов UP. В их работу включилась и творческая интеллигенция — от художников, расписывающих теперь стены лозунгами, до университетского балета, получившего название Народный. «Танцевать приходилось в летний зной на пыльных пустырях, или в тесноте деревянной хижины, или в церкви, или на открытой трибуне во время демонстрации... — вспоминала Джоан Хара. — В зависимости от поверхности площадки надо было танцевать в обуви или босиком. Сначала мы потерпели несколько неудач, когда при виде женщин и мужчин в трико зрителей охватывали такие приступы хохота, что на танец они уже не обращали внимания. В дальнейшем мы придерживались обычных брюк или спортивных костюмов. Я наблюдала за зрителями; усталые, изможденные лица женщин вдруг светлели, дети, оборванные и явно страдающие от недоедания, хлопали в ладоши и прыгали от радости, даже грубоватые подростки толпились вокруг нас после представления, спрашивая, как им научиться танцевать. Мы обещали прислать преподавателей; уверяли, что в случае победы UP для этого будет больше возможностей... Но часто потом жители тех районов сообщали нам, что они уже организовали собственную танцевальную группу, и спрашивали, не можем ли мы приехать посмотреть и высказать свое мнение». Для избирательной кампании требовалась песня-марш — так родился «Venceremos» («Мы победим»). Музыку сочинил Серхио Ортега, а слова первого, предвыборного варианта — Виктор Хара. Надо было спешить; песню записывали ночью, в подвальной студии, с участием музыкантов из разных ансамблей. ДИКАП оперативно выпустила и распространила пластинку, и к моменту выборов тысячи демонстрантов уже знали слова или хотя бы припев. Позже песня стала гимном UP. Демонстрации сыграли важную роль в избирательной кампании. Все были одержимы идеей массовости, людей непрерывно пересчитывали: на работе, по месту жительства, на больших и малых митингах. «Но гораздо важнее, чем простой подсчет голов, — пишет Джоан Хара, — было чувство, которое мы испытывали, видя друг друга, ощущая физически присутствие стольких товарищей. На каждый призыв выйти на демонстрацию, даже после трудного рабочего дня, являлись все, считая это своим долгом. А правые никогда не появлялись большими группами на улицах. Их власть сосредоточилась в иных сферах, которые мы по наивности недооценивали». На выборах 4 сентября 1970 года Альенде получил относительное большинство голосов. После нескольких недель острой политической борьбы нового президента утвердил конгресс. В день вступления Альенде в должность в Сантьяго был организован праздник, какого Чили прежде не видели. На двенадцати эстрадах, воздвигнутых под открытым небом, сменяли друг друга артисты и ансамбли. Улицы были закрыты для транспорта, центр заполнили толпы людей. «Отныне вся наша жизнь окрашивалась в соответствии с политическими событиями. Когда дела Народного Единства шли хорошо, мы были счастливы; когда же они шли неважно, это касалось нас лично — столь сильным было ощущение причастности к политической борьбе», — пишет Джоан.

Три года революции

Тысячи студентов на летние каникулы уезжали в село, чтобы помочь при уборке урожая или в кампании по ликвидации безграмотности; артисты участвовали в «поездах культуры», устраивали на станциях спектакли, организовывали концерты и выставки. Правительство распустило «групо мобиль»; началось распределение бесплатного молока детям бедняков, чтобы покончить с недоеданием. Многие люди впервые увидели море — теперь строили хоть примитивные, но все же дома отдыха для рабочих на побережье. Условия жизни беднейших слоев населения заметно улучшились. Исчезли почти все нищие, наводнявшие центр Сантьяго. Сократилась безработица. Национализированное издательство «Киманга» выпустило десятки общедоступных изданий классиков мировой литературы; книги тут же расхватывались. Можно было увидеть в автобусах простых рабочих, читавших Джека Лондона, Томаса Манна, Достоевского. Молодые поэты и писатели впервые смогли опубликовать свои произведения; появилась популярная историческая серия «Мы, чилийцы», — в ней рассказывалась история поселков, рудников, рыбацких деревень, борьбы рабочих и даже движения новой песни. Новые песни Виктора Хары были полны оптимизма, и не потому, что такова была «линия партии»; люди действительно так чувствовали. Виктор писал: «Мне хочется быть десятью людьми сразу, чтобы успеть сделать в десять раз больше. Нам предоставлена чудесная возможность создать социалистическое общество мирным путем... Мир следит за нами, чтобы понять, возможно ли это». Песенное движение никогда не было оформлено организационно. Его участников объединяло одно — желание развивать новую культуру, которая отображала бы революцию, но мнения относительно первоочередных задач существовали разные. Например, «Килапаюн» утверждал, что цель движения — единение с творчеством академических композиторов. Совместно с музыкантами традиционного плана и актерами «Килапаюн» исполнил кантату Луиса Адвиса «Санта-Мария-де-Икине»; кантата рассказывала о массовом расстреле горняков во время забастовки 1907 года. Сложная форма кантаты вызывала вопрос: действительно ли это «народная» музыка? Но она имела успех в массовой аудитории. У «Инчи-Илимани» была другая концепция. Они тоже работали над серьезными замыслами, как, например, «Песня о программе» — длиннейшее сочинение, основанное на сорока пунктах программы UP, но предпочтение отдавали латиноамериканской народной музыке. Виктор Хара был против того, что ему казалось «патерналистским подходом». Он считал, что художник должен не столько стремиться к созданию выдающегося произведения, сколько ощущать себя мастером-ремесленником, чья работа так же необходима, как гвоздь для постройки дома: «Мы должны подняться до народа, а не снисходить до него. Наше дело — вернуть людям то, что им принадлежит, их культурные корни, а также средства для утоления жажды культурного самовыражения». «Килапаюн» решил в буквальном смысле размножиться, создав как можно больше групп с тем же внешним оформлением и репертуаром, что и основной ансамбль. Каждый его участник отвечал за формирование новой группы, что позволило им умножиться шестикратно: «Кила I», «Кила II», «Кила III» и так далее; одна группа была женской, другая состояла из подростков. «Кила» говорили, что таким образом они вовлекают большое число людей в состав популярной группы. Виктор, «Инчи» и «Кила» были наиболее заметными фигурами движения новой песни, но повсюду появились сотни других групп. В Чили произошел взрыв активности людей, которые никогда прежде не имели возможности творить — взрыв, особенно невероятный в эпоху, когда СМИ превращают людей в пассивных потребителей. Движение новой песни стало чем-то большим, чем несколько популярных артистов. Казалось, весь народ начал петь. В 1972 году Виктор Хара, вооружившись магнитофоном и гитарой, провел много недель в поселке Эрминда-де-ла-Виктория на окраине Сантьяго. Результатом стал альбом «Поселок». В фонограмму альбома Виктор включил магнитофонные записи: разговаривают женщины, ребенок читает стишок, раздается лай собак. Обе нити его творчества — музыка и театр — дополнили здесь друг друга. К Виктору обратился крупнейший крестьянский профсоюз — Конфедерация Ранкиль. Делегаты крестьян сказали Виктору, что, по их мнению, он в силу своего крестьянского происхождения является тем артистом, который сможет поведать миру историю крестьянских восстаний и борьбы за аграрную реформу. Виктор совершил поездку по индейским деревням в Кордильерах. Над альбомом, посвященным Конфедерации Ранкиль, он работал вплоть до сентября 1973 года. Как режиссер Виктор Хара поставил в 1972 году три массовых представления на стадионе в Сантьяго. Первые два представляли собой торжества, посвященные компартии и ее молодежному союзу, а третьим стало чествование Пабло Неруды, когда он вернулся из Франции после получения Нобелевской премии. Действующими лицами всех этих мероприятий были трудящиеся, съехавшиеся со всей страны для участия в праздниках. В 1972 — начале 1973 года, убедившись, что отстранить правительство Альенде мирными средствами не удастся, оппозиция на-

чала дестабилизировать обстановку в стране. Чили погрузились в пучину террора. Пабло Неруда призывал всех деятелей культуры предупредить народ об опасности фашистского переворота. На площади Конституции перед президентским дворцом Ла-Монеда состоялся антифашистский культурный марафон, в котором участвовали сотни артистов. Виктор Хара поставил на ТВ серию передач о нацистской Германии и гражданской войне в Испании. Джоан Хара вспоминает: «Вокруг постоянно шли разговоры о гражданской войне... Вместе с соседками — сторонницами UP — мы решили запасти лекарства, перевязочные материалы, научиться оказывать первую помощь, найти надежные укрытия для детей — в общем, сделать все, чтобы быть готовыми к неожиданным событиям. Во вторник 11 сентября 1973 года, когда по радио сообщили о начале переворота, Виктор должен был ехать на концерт в Технический университет. Он все же решил поехать, так как по инструкции профсоюза в подобных случаях всем надо было собраться на рабочих местах. Днем, когда шла бомбежка Ла-Монеды, территорию университета оцепили войска; следующим утром по университету открыли огонь танки. Затем солдаты погнали всех, кто там находился, на стадион «Чили». Виктор Хара выбросил удостоверение личности, но его опознал один из офицеров. Его поместили на трибуну, отведенную для «особо опасных» заключенных. В пятницу 14 сентября Виктору удалось передать друзьям свое последнее стихотворение. Вечером офицеры увели его в раздевалку, превращенную в камеру пыток. Существуют несколько свидетельств о последних часах его жизни. Согласно им, Виктору разбили прикладом кисти обеих рук и приказали петь. По одной версии, он запел «Интернационал», по другой — «Венсеремос». Движение новой песни настолько отождествлялось с Народным Единством, что Пиночет даже счел необходимым объявить «подрывными» индейские музыкальные инструменты. Военные запретили песни Виктора и даже упоминание его имени; запрет касался также музыки всех его товарищей. Помещение ДИКАП разгромили. Если при обысках находили пластинки Виктора, семьи Парра, «Килапаюна» или «Инчи-Илимани», это почти наверняка означало арест. Пластинки бросали вместе с книгами в костры на улицах чилийских городов. Большинству участников движения новой песни удалось избежать судьбы Виктора Хары. Многие прошли через тюрьмы и лагеря, но в итоге все оказались в эмиграции. «Кила» и «Инчи» много раз приезжали в СССР; их музыка сопровождает снятые у нас чилийцем Себастьяном Аларконом фильмы «Падение кондора», «Ягуар», «Санта Эсперанса» и др. Наверное, в каждом из крупных студенческих центров от Москвы до Новосибирска существовали латиноамериканские музыкальные группы, опиравшиеся на традиции новой чилийской песни. В Москве в 80-е проводились песенные фестивали памяти Виктора Хары, очень шумные и яркие мероприятия, собиравшие полные залы иностранных студентов, а также советской левой и псевдолевой молодежи.

Сейчас все это забыто. Чилийские эмигранты давно вернулись к себе, туда, где жизнь теперь какая-то иная. Мы о ней ничего не знаем, потому что сообщения с той стороны планеты уже не достигают Москвы. Здесь остались пыльные полки библиотек, несколько пронырливых историков, десяток ностальгирующих активистов движения солидарности, пара латиноамериканских ансамблей, пытающихся зашибать длинный доллар игрой на улицах. И осталась еще надежда на чудо... Вдруг случится еще что-то, и затравленный, униженный народ расправит плечи, и разольется людское море по площадям, и тогда для кого-то из нас, а может, и для многих, вновь зазвучат гитара Виктора Хары и марш «Venceremos», и мы узнаем эту музыку, хотя, конечно, ритм будет другой, и слова другие.

Николай Муравин

ТРАВА ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ БЕТОН ГЕОПОЛИТИКИ

I

Красная Поляна, район Большого Сочи, одно из красивейших мест в мире. "Помимо своей «жемчужности», это и историческое место — в 1864 здесь закончилась Кавказская война. Мне посчастливилось прожить большую часть жизни в этом поселке. Работала инструктором по туризму на турбазе МО. Проводя экскурсии, мы, инструкторы, показывали трехсотлетний дуб, у которого были собраны войска и объявлено о мире. Профессиональный уровень некоторых из нас был таковым, что, рассказав о здании турбазы — бывшем охотничьем доме царя Николая II — и пройдя километр по склону к другому, объясняли, что этот — бывшая дача царя Хомякова. (Кем был богач Хомяков, я узнала совсем недавно, но то, что он не был царем, и тогда знала точно.)

В шестидесятых этот дом — в наше время коммуналку — снесли и на его месте построили дачу министру обороны Гречко, впоследствии ставшую дачей Устинова — далее везде. (Хотя и пустовал другой особняк, бывшая дача Наумова — известная всем как дача Сталина.)

К слову, если прежнему министру на охоте в заповеднике (!) дичь привязывали, то нынешний, как говорят очевидцы, охотится с автоматом из пролетающего над стадами вертолета.

Кроме царских хором Хомякова, мы знали еще кое-что историческое: что, **поддавшись агитации** турецких властей, население Поляны (черкесы, абхазы, убыхи) во время Кавказской войны уехало на кораблях в Турцию. (Кавказская война в нашем представлении существовала сама по себе, отъезд — сам по себе).

Ну а предки нынешних греков, узнав от переселенцев в Турции об этих благодатных местах, разыскали их и заселили.

* * *

Джохар Дудаев приехал в Красную Поляну года три назад — с тем чтобы установить памятный камень жертвам Кавказской войны. Власти — не знаю, на каком уровне — не позволили. Но накрыли стол в местном ресторане. Во время пиршества тамада произнес: «Надо предоставить слово нашим гостям». «Еще надо уточнить, кто здесь гость, а кто хозяева», — сказал на это Дудаев.

* * *

То, что греков, молодых мужчин, в 37-м почти всех «взяли» и ни один из них не вернулся — мы знали из разговоров дома, но это, упаси Боже, нельзя было произнести на улице.

Ну а о «выселке» после войны говорить уже можно было — иначе как объяснить наше нахождение в Средней Азии и ежедневный комендантский час? Только с началом перестройки стали ходить слухи о том, что арестованные в 37-м греки строили дорогу на гору Большой Ахун (Сочи), где их расстреляли после окончания работ и закопали в вырытой ими же траншее.

Сроки ареста и начало строительства дороги совпадают, но где узнать всю правду? И пытается кто-нибудь знать ее?

* * *

Нельзя — мемориальный камень — черкесам; никто и не пытается — расстрелянным грекам. Нельзя жертвам, но везде стоят памятники палачам — и в Сочи, и на дороге в Красную Поляну, и в самой Поляне...

* * *

Если бы жители поселка установили памятник жертвам Кавказской войны (слава Богу, нет и победе) и память о прошлом присутствовала бы в нашей жизни — не пришлось бы об этом заботиться — и озлобляться неразрешением! — Джохару...

Но! Если каждая из национальностей будет претендовать на «право хозяина»: горские — как пострадавшие, греки — как первопроходцы, апеллируя к IV веку, русские как победители, т.е. захватчики — во что превратится наш сегодняшний день?

Хорошо еще, что не объявились потомки жителей дольменов...

* * *

Зыбкая граница прежних территорий — тонкая материя, она область знания и культуры... Но когда очередной «начальник», точно персонаж Оруэлла, вопреки здравому смыслу, истории и Толстому, твердит: «Чечня — это Россия», — то даже во мне, той, кто пострадает, начнись победоносное шествие Горской республики, если оно будет подобно шествию нашей армии в Грозном, — то даже во мне вскипает злоба: ПРОТИВОСТОЯТЬ ЖЛОБСТВУ.

Всеми забыто, что Джохар выступал за Союз! Что он против немужского, подлого «Бери, сколько съешь»... — и только человек начинает есть...

И равенство-то во многих случаях жизни бывает оскорбительно, а уж зависимость...

* * *

И не менее жлобственно наше правозащитное, в самом начале провозглашенное (ирония, ленинский принцип) «право наций на самоопределение» (не утруждая себя даже словарным пояснением этого взрывоопасного словосочетания).

Это принцип:

1) противопоставления одного этноса другому;

2) изначального восприятия наших отношений как вражды;

3) культивирования семян раздора, неизбежных в любом человеческом общежитии;

4) признания этнических особенностей народа выше общечеловеческих ценностей.

Всякое политическое голосование — результат жизнеотношения личности, и вполне естественно желание иметь Всемирный Союз (вполне осознаваемое как утопия) — и потому союз хотя бы на 1/6 Земли!

Но теперь, после расстрела парламента и Чечни, многим советвенным россиянам неловко «предлагать себя». Звать соединиться с семьей, глава которой буян и убийца...

II

Есть известный анекдот, который заканчивается восклицанием «Тише! Он видел Ленина!». Не хочется уподобляться персонажу этого анекдота, но теперь я знаю: тот, с кем мы общались в Гаграх, был Шамиль Басаев.

Встреча эта описана в рассказе «Выбор слов в Абхазии» («Век XX и мир», N 5-6), и потому коротко о тех событиях:

Мы, трое неформалов, приехали в воюющую Абхазию. В Гаграх нас арестовал патруль. (Надвигающаяся ночь, пустынная улица, заложники чужой воли и пули). Но повел арестантов не в штаб, а в гостиницу, к боевикам. (Сияющая, юная, но, увы, совершенно неуместная красота одной участницы была тому причиной).

Когда вооруженные боевики окружили нас в холле — я зачитала «Обращение», им, тем, «кто взял в руки оружие и сеет смерть» с призывом — «сложить оружие» и всем раздала по листовке. Они выслушали и прочитали, но онемели и ждали.

Приказ нашему конвоиру был прост: арестантов в штаб. Сами же боевики организованно прошли к машинам. Так поступил с нами глава того страшного Чеченского батальона...

...И естественным образом напрашивается сравнение с гвардейцами Китовани. Как отреагировали бы они на ту половину правды, которая за абхазами? (Как требовало бы того миротворчество в той ситуации).

* * *

И тут встает вопрос вопросов — не нам и не газетам решать его, но раз мы обсуждаем его между собой: почему о зверствах грузинских боевиков говорят все, кроме самих грузин?

Ведь всем известно, кто первый применил насилие и пролил первую кровь... Понятно, что в глубине души каждый все сознает и в узком кругу об этом сокрушается, но кто извинится перед целым народом? Который так же **вынужденно** (как и грузинская молодежь в Гаграх) взял в руки оружие?

Церковь ли, правительство, интеллигенция — она не только смотрела «Покаяние», но живы и большинство тех, кто создавал его...

* * *

Но... поворачивается медаль, и трудно понять, где оборотная сторона, где лицевая, где причина, где следствие... «Из Абхазии с 37-го года выселялись лица греческой, турецкой, армянской и других национальностей, завозились свыше 150 тысяч жителей Грузии... Именно это обстоятельство — главная причина его (абхазского народа) бесправия» («Правда», 28.VI.95).

Подобные доводы могут вывести из себя и стороннего человека, а уж у кого затронута жизнь — довести до белого каления.

Выселка народов — это одно (и решение этого вопроса политическое и юридическое), «завезенные» же — другое: частная жизнь родившихся здесь поколений. И вопрос житейский (ведь через все политические декларации все к житейскому и сводится): почему кому-то надо жить на холодной и каменистой земле, если ее столько свободной — у теплого моря?

Тем более мы знаем из рассказов известного писателя, что абхазы тоже бросают обжитые места в горах и спускаются в долину...

* * *

Я работала инструктором, туристы были из разных концов страны, мы, инструкторы, вели их из Красной Поляны на озеро Рица. На шестой день мы поднимались на Ацетукский перевал. Одна сторона его считалась российской, другая — грузинской. Горная цепь, которую мы покоряли, долины по одну и другую сторону, с нитями рек от синих озер — ничто видимое глазу не несло свидетельства того, что их разделяет граница. Только на условном обозначении этой земли — картах — она и существовала. Я «переваливалась» на другую сторону и, прочертив носком ботинка полосу-границу, кричала: «Я в другом государстве!», «Приготовьте документы!». — Вот такой царствовал среди нас армейский юмор...

* * *

Нынче на пятидесяти километрах бывшего маршрута который год властвует ОМОН, непонятно, кого — от кого — или от чего охраняя... Стоят с той же степенью полезности, с какой их коллеги — на станциях линий метро, с той лишь разницей, что по городу передвигаться (предъявляя документы на каждом шагу) лицам кавказской национальности еще позволено...

Елена Анастасиади

ПОЛЗУЧИЙ ПЕРЕВОРОТ

По просочившейся информации, Государственная Дума готовит ползучий коммунистический переворот, подготавливая Закон об акционерных обществах. Вводится норма по численности в АО закрытого типа, т.е. превысило АОЗТ численность на одного человека сверх нормы — тут же обязано быть преобразовано в АО открытого типа. Не спрашивая согласия акционеров, сразу теряющих свое законное право самим принимать решения на общем собрании, самим определять финансово-экономическую целесообразность тех или иных решений и вообще будущее своего АО. Обязано, и все. Как будто мы сегодня не видим, что основная масса АО открытого типа работают из рук вон плохо. И причины очень просты. Государство, имея государственную долю, не помогает, акционеры, не работающие в АО, ждут только дивидендов и никакого участия не принимают; акционеры, работающие в АО, знают, что все это не их и работать на чужого дядю у них особенного желания нет: при социализме уже изрядно наработались. Сейчас есть стремление работать на себя.

Но разве могут коммунисты это позволить, а кто же тогда будет их обрабатывать? Вот в чем корень. Сейчас в стране основная масса АО закрытого типа работают значительно лучше, чем АО открытого типа, потому что люди знают, что все это принадлежит им, что только от них зависит их благополучие и что они, а это главное, работают сами на себя. Но бездарность наших думников и состоит в том, что они думают, что эти же люди, если их изгнать из АОЗТ, будут так же хорошо работать в АООТ на дядю. Не будут. Пусть-ка теперь сами коммунисты поработают на самих себя. Чего, увы, они не умеют делать. Опять проталкивается люмпеновская коммунистическая идея сделать все вокруг насильственно всеобщим, а значит, ничьим. При такой постановке вопроса зачем АО закрытого типа развивать производство, увеличивать количество рабочих мест. Проявлять предпринимательскую инициативу, смекалку, сноровку, талант, изобретательность? Для чужого дяди? Но коммунисты намеренно идут на это. Чтобы остановить процессы развития АО закрытого типа, заморозить развитие частной инициативы, т.к. это противоречит их преступным догмам о всеобщем благе при всеобщей ничейности. Остановить развитие свободного предпринимательства в промышленности, уменьшить этим самым платежи налогов в бюджет, ухудшить социально-экономическую ситуацию в стране, затем оплевывать с трибуны все реформаторские преобразования и показывать при этом пальцем на других. Ход, достойный коммунистов и вообще людей неталантливых, людей, способных только получать зарплату, которую им свыше отпустили, и не умеющих ее зарабатывать.

Нельзя дать глупцам от политики и власти разрушить созидательную способность людей, которые научились обходиться и работать без их вмешательства и участия, нельзя дать загубить уже созданное, нельзя допустить очередной коммунистической экспроприации. Нельзя допустить, чтобы преступная идея коммунистов — отобрать и поделить — опять восторжествовала, т.к. тогда нужно будет опять создавать новые коммунистические ГУЛАГи, отправляя туда весь деловой цвет общества, оставив агрессивно-послушных «Шариковых».

Сергей Михайлов

«Если закон ломает нашу жизнь, мы имеем право сломать этот закон!»

(К 20-летию экологического движения в ФРГ)

Радикальное экологическое движение, как вихрь, ворвалось на затхлую, застоявшуюся общественную сцену Германии. Вплоть до конца 1960-х годов ФРГ считалась чуть ли не бастионом стабильности. Устойчивый экономический рост, массовое производство и потребительский бум, сытые, спокойные и консервативные обыватели, которые с ненавистью встретили молодежный бунт и внепарламентские протесты интеллигенции против ограничений гражданских прав — таково было лицо страны. Все изменилось за считанные годы. Заговорили о «смене общественных ценностей». Взбунтовалась уже не кучка студентов, как в 1968. На улицы вышли тысячи, десятки тысяч простых граждан. И прославленная, хваленая стабильность с треском рухнула. Экологическое движение, писал позднее один из исследователей, приобрело в Западной Германии такую взрывную силу, которая до того казалась немыслимой, невозможной. Ему удалось нарушить святая святых государства и на время парализовать энергетическую политику третьей по силе державы мира. Мегамашина Системы дала сбой. Отныне будет ясно раз и навсегда: ее можно остановить!

Что же заставило людей забыть о привычном покое? Что побуждало их тратить свои силы и свое свободное время, создавать организации, часами, днями, неделями осаждать или штурмовать тщательно охраняемые ядерные объекты? Поймет ли это вечно испуганный и трусливый русский обыватель, тоскующий сегодня по хлещущей его сильной руке, или заносчиво-либеральствующая российская интеллигентская элита, которая обожествляет «демократию» буржуазного Запада? Ведь это против нее, представительной демократии, поднялся озабоченный гражданин ФРГ. Именно ею, как оказалось, были сыты по горло сотни тысяч обыкновенных людей, а не профессиональных «революционеров-утопистов». Отказывая политикам в праве и способности представлять их интересы, разуверившись в самозваной гениальности технократов-управленцев, они взяли свою судьбу в собственные руки. Самоорганизация, самоуправление и прямое действие — полузабытый уже анархистский мираж снова, казалось, воспламенил сердца обитателей предзакатной Европы.

Когда в конце 60-х — начале 70-х годов по всей стране начали возникать гражданские инициативные группы, политики никак не могли понять, что же, собственно, происходит. Послевоенный Запад опирался на консенсус «социального государства благосостояния». Простой человек согласился со своей одномерностью. Он принял роль, отведенную ему в рамках «социального партнерства»: давай, давай работай и не думай больше ни о чем. Благоденствие обеспечит тебе всемогущее и вездесущее государство, управляемое «компетентными специалистами». С годами становилось все яснее, что интересы личности или отдельных групп людей подчинены неповоротливому Целому, которое мало считается с их запросами, а часто и просто игнорирует их. Постепенно закрадывались если не сомнения в компетентности Управляющих, то, по крайней мере, соблазны напомнить тем, кто стоит у власти, о реальных нуждах и чаяниях людей. Это не было еще вотумом недоверия властвующей элите — так, всего лишь невинное желание разорвать опутавшую ее бюрократическую пелену. Именно такие задачи ставили перед собой первые гражданские инициативы. Они возникали большей частью стихийно, на местном уровне и объединяли чаще всего рядовых граждан, озабоченных какой-либо вполне конкретной проблемой. Это могли быть вопросы быта, образования или воспитания, городского планирования или досуга, нехватки жилья или разрушения исторического облика местности и т.д. Первоначально все сводилось к просьбам и запросам. Еще теплились надежды на то, что новое правительство социал-демократов и либералов оздоровит политическую жизнь необходимыми демократическими реформами. Активисты ходили по инстанциям, добиваясь принятия или отмены какого-нибудь решения, собирали подписи, снова стучались в двери кабинетов, встречались с политиками и депутатами, жаловались и объясняли, обижались и доказывали. И на собственном горьком опыте убеждались снова и снова, что в современной сверхцентрализованной Индустриально-Государственной Системе они — лишь малые винтики, от которых почти ничего не зависит. И тогда терпение лопнуло. Произошло то, что исследователи назвали потом «кризисом законности». Иными словами, власть государственной бюрократии и связанных с нею концернов потеряла свою «законность» и обоснованность в глазах людей. И они решили помочь себе сами. Уже к концу 1970-х годов Западная Германия покрылась густой сеткой из нескольких десятков тысяч гражданских инициатив. В организуемых ими акциях участвовали до 3 миллионов человек, а их обращения и воззвания подписывали до 25 миллионов человек!

Самыми активными и громко заявившими о себе были гражданские инициативы, так или иначе занимавшиеся проблемами экологии. Первая из них возникла в Западном Берлине еще в 1969 году. Позже они сложились в других местах — в первую очередь там, где действовал или сооружался очередной индустриальный объект (атомная станция, аэродром, промышленный гигант и т.д.), разрушающий и без того находящуюся в плачевном состоянии природную среду. Люди хотели дышать чистым воздухом, пить неотравленную воду, но концернам и государству были безразличны эти пожелания. На первых порах группы недовольных граждан оставались чисто местными, а их требования нередко эгоистичными: «Стройте где угодно, только не у нас». Чем чаще активисты встречали отказ, тем больше радикализировались их настроения и требования. Они стали искать контакты с другими людьми, попавшими в ту же беду, завязывались контакты с соседними инициативами, создавались первые региональные и межрегиональные объединения (именно экологические инициативы первыми в 1972 году образовали общефедеральный союз). Гражданские инициативы отвергли в собственных структурах нормы и принципы представительной демократии — орудия Системы. Они строились на принципах самоуправления и стремления к консенсусу, к уважению прав меньшинств. Не добившись ничего просьбами, они переходили к акциям протеста. Тогда на них обрушивалась мощь репрессивной машины государства. Но проблемы не решались. Между тем местный эгоизм постепенно уступал место солидарности: «Не у нас и нигде!» Росту экологической сознательности в немалой степени способствовали и знаменитые доклады ученых, сделанные в начале 1970-х годов по заказу Римского клуба. К тому же подавление только стимулировало желание протестовать, настоять на своем. В движении родился популярный лозунг: «Когда право превращается в бесправие, сопротивление становится долгом!»

Бастионами Системы, вокруг которых закипели особенно упорные бои, были атомные объекты — электростанции, свалки отходов, ядерные заводы. После так называемого «Нефтяного кризиса» 1973 года власти и энергетические концерны ФРГ, получившие в совокупности меткое наименование «атомной мафии», форсировали разработку и претворение в жизнь программ массированного сооружения АЭС и связанной с этим инфраструктуры. Целые районы отдавались на откуп атомщикам, их жители подлежали выселению. Недовольство людей исподволь накапливалось, пока в феврале 1975 года не произошел прорыв. Тридцать тысяч демонстрантов захватили стройплощадку АЭС в Вюле на юго-западе страны и удерживали ее до тех пор, пока строительство не было по существу отменено, а все демонстранты получили гарантии от судебных преследований. Полиция ничего не могла поделать. Власти не на шутку перепугались, сочтя, что, если пример Вюля распространится, страна станет неуправляемой. И Вюль действительно стал сигналом. Гражданские инициативы против АЭС стали возникать по всей стране. Теперь центр противостояния переместился на север страны, в район Гамбурга и Нижней Эльбы. В октябре 1976 года 8 тысяч демонстрантов захватили стройплощадку АЭС в Брокдорфе, но полиция жестоко изгнала их. После этого движение стало нарастать, как снежный ком. В ноябре участникам 40-тысячной демонстрации удалось прорваться к сильно укрепленному забору вокруг площадки и частично повредить его. Против них были впервые брошены вертолеты, с которых рассеивался слезоточивый газ. Снимки с места столкновения напоминали кадры боевых действий. Это испугало умеренных политиков — социал-демократов, коммунистов и часть природозащитников, которые не желали радикализации протестов. В феврале 1977 г. радикалы и умеренные провели две раздельные демонстрации, в каждой из которых участвовало по 30 тысяч человек. В марте 20 тысяч демонстрантов прорвали полицейские заграждения вокруг соседней строящейся АЭС в Гронде и разрушили воздвигнутый вокруг нее забор. Столкновения носили необыкновенно упорный характер и стоили многих раненых. Летом участники движения проводили лагеря протеста. Сопротивление нарастало. В сентябре 1977 года протестовать против сооружения реактора на быстрых нейтронах в Калькаре вышло уже 50 тысяч человек! Но и власть имущие кое-чему научились. Демонстрация была разогнана с невиданной до тех пор жестокостью, на ее участников обрушились репрессии и судебные преследования. Это была «свинцовая осень 77-го», время полицейской слежки за любыми подозрительными левыми, доносов и истерической антилевой кампании. Калькарский шок довлел над антиядерным движением несколько лет. Стало ясно, что массовые попытки оккупации стройплощадок больше не могут остановить атомную программу. В движении с новой силой вспыхнули разногласия. Сторонники исключительно легальных и сугубо законных действий начали еще весной 1977 г. собственную кампанию против сооружения завода по регенерации ядерного топлива в Горлебене. В радикальном крыле единство действий было подорвано маоистами, пытавшимися подчинить движение своим партийным структурам. Наконец часть экологистов сочла, что без «парламентской руки», без собственного партийного лобби ничего сделать не удастся. Так появились различные политические группировки «зеленых», в 1979-1980 гг. слившиеся в единую партию. Автономное, самоуправленческое крыло движения старалось, напротив, отстоять его независимость и осознанно направить его против государства и капитала. Оно надеялось на то, что в ходе сопротивления сложатся автономные и самоуправляющиеся формы самоорганизации людей, своего рода альтернативное общество, которое сможет затем, закалившись в боях, бросить вызов ненавистной Системе.

В конце 70-х движению удалось постепенно оправиться от полученных ударов. Летом 1979 г. впервые в истории страны были взорваны линии электропередачи, ведущие к АЭС. В 1979-1981 гг. власть и народ вновь столкнулись в Брокдорфе. Речь шла о будущем атомной программы. Государство и «атомная мафия» были полны решимости преодолеть фактическую паузу в ее осуществлении, которая возникла под давлением движения 1976-77 годов. В декабре 1979 г. состоялась бурная демонстрация. Весной следующего года антиядерные активисты захватили стройплощадку атомной свалки в Горлебене и провозгласили «Свободную республику Вендланд», но летом 10 тысяч полицейских вновь отбили ее. В декабре 1980 г. Брокдорф осаждали 8 тысяч человек, 2 февраля 1981 г. две раздельные демонстрации собрали 10 тысяч. Наконец, 28 февраля был достигнут пик: несмотря на запрет, полицейские кордоны, столкновения и нападения с вертолетов, состоялась огромная манифестация со ста тысячами участников. Но и это не смогло предотвратить возобновление строительства Брокдорфа. Движение на севере закончилось поражением.

В начале 80-х годов, особенно после знаменитого решения НАТО о «ракетном довооружении», центр активности экологического и антиядерного движения переместился в антивоенную плоскость. Гражданские инициативы в защиту окружающей среды и против АЭС играли важнейшую роль в антиракетных выступлениях первой половины десятилетия, но им так и не удалось добиться радикализации протестов. В 1981-1984 годах велась ожесточенная борьба против сооружения новой взлетной полосы Франкфуртского аэродрома «Штартбан-Вест». В то время как легалисты собирали подписи под требованием провести референдум и встречались с парламентариями, полицейские захватили палаточный лагерь, воздвигнутый активистами в лесу, который они пытались спасти от вырубки и строительных работ. В ответ в ноябре 1981 г. в лесу вспыхнули столкновения с полицией, в январе следующего года люди со всей страны съехались на массовую демонстрацию, но захватить стройплощадку вновь им так и не удалось. Работы начались. Им пытались помешать с помощью небольших акций саботажа (в ходе регулярно организуемых так называемых «воскресных прогулок»). Наконец, в апреле 1984 г. состоялась неделя протеста против пуска полосы с заключительной 10-тысячной демонстрацией. Но и это уже не помогло. И эта борьба была проиграна.

Неудача антиракетных выступлений и новое расширение атомной программы заставили гражданские инициативы вернуться к проблеме ядерных объектов. С осени 1982 возобновились протесты на севере — в Калькаре, Горлебене и др. Уже первые акции, в которых участвовали вновь десятки тысяч людей, сопровождались столкновением с полицией. В последующие годы здесь развернулась настоящая позиционная борьба с «партизанскими налетами»: действенное соединение самых различных легальных и нелегальных, мирных и насильственных, прямых и косвенных акций против «атомной мафии» и ее поставщиков. Особенно хорошо зарекомендовали себя акты саботажа и блокады дорог, с помощью которых удавалось мешать реализации Горлебенской свалки. Одновременно с 1985 г. разгорелось сопротивление на юге, в Баварии, где гражданским инициативам и автономному движению пришлось выступить против строительства завода по регенерации ядерного топлива в Вакерсдорфе. Летние лагеря протеста, рождественские акции, акты саботажа и «воскресные прогулки» вылились, наконец, в 1986 г. в трехдневный штурм стройплощадки людьми, съехавшимися со всей страны. Полиция и власти потеряли контроль над положением и с трудом отбились с помощью вертолетов и слезоточивого газа. В октябре 86 и следующем году произошли новые акции протеста. Даже ультраконсервативные баварские власти вынуждены были отступить. Проект Вакерсдорф был отменен...

Чернобыльская катастрофа на какое-то время снова активизировала антиядерные протесты по всей стране. 7 июня 1987 г. были проведены две массовые демонстрации против ядерной энергетики — в Вакерсдорфе и Брокдорфе. Активисты пытались повторить успех брокдорфской акции 1981 года, но этого сделать не удалось. Отдельные части и колонны были разгромлены по частям. На следующий день в Гамбурге 800 протестующих против разгона были окружены «силами порядка» и продержаны в кольце 12 часов. Поражение акции 7 июня надломило начавшее было набирать силу движение. Правда, воздействие Чернобыля на умы было настолько сильным, что сооружение и пуск новых АЭС и ядерных объектов оказались надолго замороженными. Быть может, еще и потому, что атомная энергетика стала слишком дорогостоящей. Но после создания единого германского государства индустриально-атомная мафия вновь воспряла духом и перешла в контрнаступление.

Антиатомные и экологические гражданские инициативы продолжают существовать, по-прежнему действуют органы межрегиональной координации, собираются конгрессы. Но основная работа ведется в основном децентрализованно, на местном или региональном уровне и в меньших масштабах. Огромные многотысячные марши против АЭС пока что отошли в прошлое. Экология вошла в моду Системы, о ней говорят политики, из нее активно извлекают прибыли именно те, кто разрушает природу и естественные основы человеческой жизни. А экологические проблемы по-прежнему не решены. Часовой механизм мины замедленного действия продолжает неторопливо отсчитывать годы...

Читателю в бывшем Союзе, еще помнящему недавний взлет наших собственных социальных движений, вся эта история наверняка покажется знакомой. Урок тот же. Люди почувствовали свою одномерность и свое рабство, но не сумели их преодолеть. Их протест был интегрирован. Система устояла. Она куда устойчивее, чем мы полагаем. У нее тысячи способов и путей воздействия на умы и сердца. И частичными протестами ее не взять. Очевидно, такова судьба всех общественных движений. Дойдя до определенной точки, они оказываются перед выбором: довольствоваться малым, покориться кнуту и прянику — или найти в себе силы самоорганизоваться не только для протеста, но и для слома Системы, для Альтернативы. Сегодня мало быть только против АЭС или химкомбината, против того или иного правительства либо очередного политического виража. Сегодня надо нести в своем сердце новый мир. Иначе, как говорил Маркузе, «если только уразумение того, что творится в мире и что должно быть остановлено, не перевернет сознание и поведение человека, то даже катастрофа не сможет привести к переменам».

Вадим Дамье

«ЗАЛ ОЖИДАНИЯ»

СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕАТРА МГУ

Беру на себя смелость заявить о рождении новой эстрадной звезды — Ирины Богушевской, автора музыки, слов и исполнителя удивительно искренних и в то же время открывающих новое эстетическое пространство песен. Вы сможете в этом убедиться, побывав на спектакле Студенческого театра «Зал ожидания».

Изумительный мюзикл! Настоящее произведение изящного искусства! Богушевская бесподобна, Кортнев великолепен, Чикрыжов — само «форте и пьяно». И за всем этим властно и непринужденно ощущается режиссерская рука мэтра — невероятно очевидного Славутина. Добавить еще ошеломляемость Чанкина, очаровывающую сентиментальность Багульника, подкупающую придурковатость Нестеренко, и вот оно — невыразимое Действо, рождающее «души прекрасные порывы».

Конечно, кто-то скажет: «Чего-то не хватает». Может быть, танцевальности (не танцев, их как раз достаточно), более цепляющего начала, доскональной профессионализма всей труппы... Но в этом ли дело, когда шоу состоялось? Не разнузданное, не бесшабашное, а очень тонкое и доброе; когда весь спектакль воспринимается как соразмерный полет свободной игры воображения, с иронией и не без одновременной причастности интимной и социальной сферам человеческого бытия.

После таких спектаклей невозможно абстрактное восприятие чемпиона среди афоризмов «Красота спасет мир». И хотя все равно прогрызается откуда-то из глубины червь сомнения (а вдруг не спасет?), надежда вспыхивает свежим пламенем, надежда в «Зале ожидания» замечательного творческого коллектива Студенческого театра МГУ.

Михаил Чемделин

Отрадно узнавать, что в наше время всеобщей усталости и пассивности находятся люди, готовые совместно отстаивать свои общие и отнюдь не шкурные интересы. Пример такой «пассионарной вспышки» можно наблюдать в районе Нескучного сада.

БИТВА ЗА НЕСКУЧНЫЙ САД

18 октября 1994 года вышло подписанное Ю.М.Лужковым постановление правительства Москвы N934 «О предоставлении в пользование ТОО «Компромстрой» земельного участка во владении 20—24 по Ленинскому проспекту». ТОО получает 0,7 га земли на бесконкурсной основе на 49 лет на правах аренды. Кто бывал в Нескучном саду, может быть, обратил внимание, что в указанном «владении» (в тылу домов 20—24) находится огороженная территория. Раньше на ней располагалось тепличное хозяйство по выращиванию цветов. Недавно на ограде появилась надпись (может, и сейчас еще есть), выполненная местными жителями: «Прочь руки от Нескучного сада!». Дело в том, что указанное в постановлении ТОО «Компромстрой» намерено возводить на бывшей тепличной территории, относящейся к Нескучному саду, два жилых дома — в 14 и 16 этажей, с подземными гаражами и мойками для автомобилей, а значит, со всеми необходимыми коммуникациями. В случае осуществления этого проекта неизбежно резкое увеличение антропогенной нагрузки на памятник садово-паркового искусства федерального значения, каковым является Нескучный сад. Из текста постановления следует, что все это делается с целью «создания буферной зоны» и «поддержания необходимого экологичекого состояния (!!!) ЦПКиО им. Горького. Формально Нескучный сад входит в ЦПКиО, директору которого все, по-видимому, глубоко «до фени». Но не все равно оказалось жителям близлежащих домов.

Законность постановления вызывает большие сомнения, что позволило людям подать заявление сначала в московскую, а затем, поскольку ответа так и не дождались, в Генеральную прокуратуру. Действительно, решение по памятнику федерального значения может быть принято только на федеральном уровне, но не на уровне города Москвы. Мэр вынужден был приостановить строительство «до согласования с федеральными властями». Атака отбита. Воспользовавшись затишьем, оценим расстановку сил.

Финансирование строительства осуществляет фирма «Валентина», что в постановлении не было отмечено, Газпром (господин Черномырдин, а-у!). Состоящий в «партии Черномырдина» зам. мэра Мос

ОКОНЧАНИЕ НА СТР.8

СОН

Стоял весенний месяц март,
Летели с юга птицы,
А в это время Бонапарт,
А в это время Бонапарт
Переходил границу...

В.Высоцкий.

Во второй декаде сентября 1993 г. мне, ветерану московской леворадикальной тусовки, приснился сон. Он отличается от большинства моих снов — неуловимых фантасмагорий а-ля Сальвадор Дали — запоминаемостью и определенной сюжетной последовательностью. Собственно, мне приснилась «наша» неудачная революция. В переводе на язык слов это было так.

...Мы организовали в Москве грандиозную демонстрацию с испанскими басками (есть такой народ в Испании, определенная часть которого добивается независимости, в т.ч. террористическими методами). Мы — это наша нынешняя тусовка анархистов, «зеленых», прочих «левых», околодэсовская братия и т.д. — но разросшаяся до размеров массового политического движения. Так что все мои знакомцы-приятели из простых тусовщиков-болтунов стали вдруг известными народно-революционными лидерами, так сказать, вождями и трибунами. Баски, конечно, были только поводом. В стране нарастал революционный кризис, и наше движение намеревалось взять власть. Объявляя демонстрацию, мы были готовы перевести ее в

ВОССТАНИЕ

Манифестация, собравшая, по моим высокопрофессиональным впечатлениям, тысяч этак 200 участников, развивалась бурно. Мы шли к испанскому посольству. Возбуждение росло. Ряды демонстрантов были оформлены черно-красными тонами и пестрели столь дорогими сердцам моих товарищей леворадикальными лозунгами, кои до сих пор я видел лишь в их собственных руках, когда они, как придурки, стояли на своих никому не нужных пикетах. А тут под этими лозунгами шествовал, извиняюсь, народ. На подходе к посольству нас встретили «силы порядка»: не только ОМОН, но и войска — власти ожидали от нас гадостей. Начались столкновения, грянули первые выстрелы. В дело пошли наши заранее подготовленные группы вооруженных боевиков — ими командовал мой добрый знакомый, левый литератор и массовик-затейник, в реальной жизни командовавший нашими туристическими вылазками. С ходу проломив военно-полицейские кордоны, мы захватили посольство Испании. Революция началась!

На этом, впрочем, ее победоносная часть закончилась. Началась серьезная пальба. В течение короткого времени все горевшие энтузиазмом стотысячные толпы рассеялись. В здании посольства и вокруг него осталось совсем немного (сотни) суетящихся, мечущихся в разные стороны и орущих друг на друга людей с оружием и без. Никто не знал, что делать дальше, и не слушал друг друга. Как русские и австрийские офицеры под Аустерлицем, согласно версии графа Толстого, мы еще до начала основного дела поняли, что сражение проиграно. Тем временем здание атаковал спецназ. По наполненным суетой коридорам я прошел в тыльную часть посольского здания. Этой стороной оно выходило в просторный парк, а само стояло как бы на пригорке — и вообще больше походило на помещичью усадьбу в среднерусской полосе. Испанского посольства я никогда не видел, но очень сомневаюсь, что там есть что-то подобное (но уж что приснилось, то приснилось). Здесь, в парке, у подножья возвышения, меж деревьями, наш командир боевиков организовал из своих людей оборону: они стреляли в проходившего через парк противника. Я с отчаянием видел царящую вокруг неразбериху и бесцельно снующих вооруженных людей. Поняв, что командовать решительно некому, я проявил инициативу, заорав что-то вроде: «Внимание! Ко мне! Слушать мою команду!» — что возымело действие. Никто не пытался выяснить, на каком основании я отдаю приказы и кто я вообще такой. Люди с радостью подчинились первому, кто пытался внести организацию в этот бардак. Десятка два подвернувшихся в этой части здания повстанцев по моей команде залегли перед стеной снаружи (?! — почему не внутри, у окон, идиот?). Мы составили нечто вроде второй линии обороны. Вокруг были еще какие-то группы и отдельные отбившиеся боевики, то ли последовавшие нашему примеру, то ли додумавшиеся до этого самостоятельно.

Тем временем спецназовцы рассеивали «первую линию». Я дал команду: «Огонь!», но, кажется, все уже палили без нее, как бог на душу положит, не слишком целясь. У меня в руках была непонятно откуда взявшаяся винтовка (до сих пор из винтовок имел дело только с «мелкашками», да и то только в школьные годы, на блаженной памяти НВП). Я видел, как из-за деревьев выходят враги. Кого-то спецназовцы крутили, брали живьем. Я отчетливо видел арест моей хорошей знакомой, невооруженной (да и вообще-то именно она была здесь совсем не обязательна). Спецназовцы приближались к нам. Я стал стрелять, пытаясь поймать в прицел фигуру в камуфляже. Ситуация была весьма непривычная, однако страха не было, как, впрочем, какого-либо воодушевления. Было нервное возбуждение, ясное осознание, что все пошло в задницу, и охотничий азарт. Где-то с четвертого выстрела мне повезло: человек, в которого я целился, упал. Это было отлично! Однако вслед за этим спецназовцы бросились на наш пригорок и оказались совсем близко. Тут все повстанцы моментально кинулись бежать, и не думая вступить в рукопашную, отойти в каком-то порядке и вообще предпринять что-нибудь еще. Примеру товарищей последовал и ваш покорный слуга. Здание было взято. От восстания осталось мокрое место. Я ушел.

На следующий день я бродил по Москве. Была весна, март или апрель. Под ногами — лужи и слякоть. День выдался ясный, с еще холодным солнцем, время от времени закрываемым крупными кучевыми облаками. И воздух был специфически весенний. В городе было чрезвычайное положение, улицы патрулировались армией. Я бродил один в философическом настроении, засунув руки в карманы пальто. Я знал, что это мои последние часы на свободе. За мной шел «хвост». Но меня пока не брали. Чего они хотели добиться, следя за мной, — выяснить явки? Вероятно, у них тоже был бардак, и насчет меня забыли отдать вовремя какой-то приказ. В газетах, по ТВ — истерика по поводу «анархистского путча». Где-то из окна я услышал по радио заявление Вольского (почему-то именно его), бичующего преступную авантюру экстремистов (оппозиция конструктивная, больше прочих хотят отмазаться). Все это я наблюдал со стороны, как нечто, меня очень мало касающееся.

В своих бесцельных блужданиях я непонятно зачем зашел в какую-то ментовку — прям, так сказать, в пасть... Суетящиеся менты не обратили на меня никакого внимания, зато я там увидел своего старого знакомого, одного из нас. Я видел его во время демонстрации, а когда началась стрельба — не видел (это, впрочем, ничего не значило — мало ли кого и чего я в этом дурдоме не увидел). Он сказал, что его задержали сегодня на улице, говорят, в качестве свидетеля (?!), обещают допросить и отпустить. Обращаются нормально. Мы прощаемся, я прошу его передать кое-кому привет, и я беспрепятственно ухожу из ментовки. Никто не пытался меня задержать. Во дают, шутники! Еще через некоторое время передо мной на улице предстали-таки гебисты. Из-за угла не бросались, рук не крутили. Предложили вежливо пройти. Оружия у меня не было. Я согласился. Последние кадры сна: меня ведут по коридору. Лампы дневного света. На этом я проснулся...

В дни, когда мне все это приснилось, в «высших эшелонах», как мы теперь знаем, шли последние приготовления к изданию указа N 1400. Через две недели в Москве произошли «октябрьские события» и многое из увиденного исполнилось. Только к нашей тусовке это никакого отношения не имело. Иполагаю, никогда не будет иметь.

Кирилл Привезенцев

P.S. Автор подчеркивает, что записал все это исключительно по настоянию друга, которому места в вышеизложенном сне не нашлось. И еще. Акция солидарности с басками в Москве действительно была. В начале апреля 1992 г. Инициатива революционных анархистов протестовала против ареста французскими властями лидера террористической организации ЭТА. Ходили к посольствам. Я в этом участвовать отказался, т.к. именно ЭТА относилась к тем революционно-террористическим движениям, которым я не сочувствовал.

1932 — 1995

Не вернется, умер ЮРИЙ ИВАНОВИЧ КИСЕЛЕВ. Мы же всего несколько дней назад виделись, он аккуратно приходил на пикеты в защиту Виктора Орехова, был с нами у памятника Пушкину.

Близкие друзья знали, что он болен, но едва ли догадывались, насколько серьезно — не таков был человек, чтобы давать повод поговорить о нем, тем более посострадать.

Я бывал у него, даже проживал, но никогда не слышал ни малейшего намека на злосчастную судьбу, оставившую его калекой. Да и не подходило ему это слово, в нем пребывала та сила духа, что воспринимается как естественный природный дар. Не потому ли его так ценили слабые, любили женщины...

Не могу сказать, когда он вошел в демократическое движение, он состоял в нем задолго до меня, знал всех диссидентов, и все его знали. Его неоднократно задерживали, избивали гебисты в форме и в штатском, ломом прокалывали коляску, сожгли мастерскую в Коктебеле, приют правозащитников. Посадить не осмелились, слишком позорная акция даже для органов власти, да и за что, за жизнь, посвященную инвалидам?

Юрий Иванович Киселев — основатель и бессменный руководитель с 1975 года Общества защиты инвалидов в СССР.

Пуще гонений тоталитарной власти Юрия Ивановича сокрушала в последние годы безответственная болтовня о замечательных привилегиях социально незащищенных, вымирающих инвалидов. До встречи, Юрий Иванович!

Пинхос Абрамович Подрабинек

БИТВА ЗА НЕСКУЧНЫЙ САД

ОКОНЧАНИЕ , НАЧАЛО НА СТР.7

квы господин Ресин проявляет активную заинтересованность в выполнении постановления N934. Так, под его, Ресина, давлением экспертиза Москомприроды дала положительное заключение о возможности строительства. Ресин обращается в Минприроды с просьбой «скорректировать» границы Нескучного сада. На эскизе эти границы уже были «скорректированы» главным архитектором Боковым, в связи с чем жители подали на него заявление в ГУВД Москвы.

Итак, по одну сторону «фронта» — интересы, проникающие на федеральный уровень, на котором неблагоприятное решение может быть принято. По другую сторону — активность граждан, многие из которых родились и выросли рядом с Нескучным садом и «сдавать» его не намерены. Им помогают представители Московской экологической федерации и московской организации Российской партии зеленых. И еще: жителям благоприятствуют «условия местности» — по причинам геологического характера, построенные в данном месте многоэтажные дома и подземные гаражи будут разрушаться и подтапливаться. Может быть, это заставит одуматься и оставить природно-культурный памятник в покое.

А действия защитников Нескучного сада могут служить примером для всех, кому надоела «активность» властей разных уровней.

Андрей Константинов

НИЦШЕ

Путь немецкого философа Фридриха Ницше начался с профессорской кафедры и завершился в лечебнице для душевнобольных.

Творец идеи сверхчеловека в своей частной жизни не только не соответствовал этому образу, но даже отдаленно его не напоминал. Он отличался удивительной мягкостью в обращении с людьми, поражая окружающих своей вежливостью и даже некоторой церемонностью. Обладая спокойным и ровным характером, он редко отвечал на оскорбления. «Я ненавижу людей, не умеющих прощать», говорит он на страницах «Злой мудрости». Сам же он владел этим умением в полной мере. Вот что рассказывает о нем его сестра Элизабет Ферстер-Ницше: однажды Рихард Вагнер, с которым Ницше одно время был в дружеских отношениях, глубоко оскорбил его. «Что же ответил мой брат?» спросила Элизабет. «Он не сказал ни слова, ответил Вагнер, он покраснел и удивленно посмотрел на меня со скромным достоинством. Я дал бы сейчас сто тысяч марок, чтобы уметь вести себя, как этот Ницше».

В 1872 Ницше, будучи профессором филологии Базельского университета, издал книгу «Рождение трагедии из духа музыки». Она была посвящена античной Греции и не вписывалась в привычные для университетской среды рамки представлений об этом времени. Вопреки всеобщему мнению, Ницше представил фигуру Сократа как глубоко враждебную греческой дионисийской культуре и трагическому искусству, как родоначальника плоского рационализма и лицемерного морализма, доставшегося в наследство всей европейской цивилизации.

Старший друг и учитель философа, известный профессор филологии Ричль не воспринял эту книгу всерьез. При встрече он дружески похлопал Фридриха по плечу со словами: «Ну, это ты, братец, верно, с похмелья написал». Студенты же отреагировали вовсе не так миролюбиво: они сорвали своему прежде обожаемому преподавателю зимний семестр 1872/73 гг. Впрочем, студенты везде одинаковы: им лишь дай повод пошуметь и не учиться...

Для Ницше же результатом этого стал (через некоторое время) уход из университета с профессорской должности. «Я ушел из дома ученых, скажет он потом словами Заратустры, и еще захлопнул дверь за собой». Давящая, косная атмосфера немецкой академической науки только сковывала творческий гений мыслителя.

В любом произведении Ницше можно найти массу высказываний, ставящих его в ряд воинствующих женоненавистников, сторонников дремучего патриархата. Вот хотя бы несколько цитат, содержащих весьма оскорбительные оценки женской души и характера: «Душа женщины поверхность, бурливая пленка на мелкой воде»; «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!»; «У самих женщин в глубине их личного тщеславия всегда лежит безличное презрение, презрение к женщине»; «Женщины, куда ни посмотришь в их, не имеют нутра, а суть чистые маски. Достоин сожаления человек, который связывается с таким почти призрачным, неизбежно неудовлетворяющим существом».

Из биографии Ницше известно, что сам он таким «достойным сожаления» человеком никогда не был. Но, как мы увидим, не по своей инициативе. Прекрасный пол не баловал его вниманием. Женщины, к которым он сватался, Лу фон Саломе, дочь петербургского генерала, и Матильде Трампедах отказывали ему, хоть и были высокого мнения о его творчестве. Оставаясь робким и почтительным, он тщательно скрывал свои чувства. Ни разу он не высказал своего отношения к Козиме, жене Вагнера, только дарил ей бесчисленные фортепианные композиции. Лишь после помрачения рассудка в 1889 году назовет он ее возлюбленной, женой, Ариадной.

Так что в свете его жизни совсем иным представляется его «женоненавистничество». Не обладая уверенностью в себе и способностью очаровывать, он так и остался всю жизнь в одиночестве. Это было одной из причин продолжительных депрессий и, возможно, также и умопомешательства. Поэтому, создавая в своих произведениях солнечный мир «свободных умов», «сверхчеловека», «переоценки всех ценностей», он не оставлял в нем места для женщины и женских добродетелей сострадания, милосердия, которые он так презирал на словах. Но, может быть, именно потому, что в жизни они его не коснулись...

Ницше был глубоким ценителем музыки. Он даже пробовал свои силы в композиции и заслужил похвалу Ференца Листа. Музыка была его страстью на протяжении всей жизни. Она одна скрашивала печальные дни в психиатрической клинике Йенского университета, страшные в своей монотонности в окружении сумасшедших. Он часами импровизировал на фортепиано, и настолько прекрасно, что казалось, к нему возвращается разум... «Люблю ли я музыку? Я не знаю: слишком часто я ее и ненавижу. Но музыка любит меня» так определил философ свои взаимоотношения с музыкой. Среди прочего им написаны две песни на стихи Пушкина «Заклинание» и «Зимний вечер», в немецком переводе, конечно.

Всю свою сознательную жизнь Ницше люто ненавидел христианскую религию. Корни этой ненависти не в убеждениях, а в психологии. Его отец был лютеранским пастором, потому с детства его окружал дух религиозной казенщины и елейного благополучия. В такой обстановке Бог действительно «умер», и Ницше с его чуткостью этого не мог не почувствовать. В его представлении христианство было религией слабых, спасение от которой в преодолении человека, в сверхчеловеке.

Книга «Так говорил Заратустра» стала ницшеанской Библией. В ранцах немецких солдат, воевавших в окопах Первой мировой, она лежала рядом с Библией канонической, в переводе Лютера, и «Фаустом» Гете. Зажигательный призыв Заратустры поддерживал боевой дух: «Я вижу множество солдат; как бы я хотел видеть много воинов!.. Своего врага ищите вы, свою войну ведите вы, войну за свои мысли! И если ваша мысль не устоит, все-таки ваша честность должна и над этим праздновать победу!.. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победою!» Очевидно, что здесь Ницше не призывает к насилию и война речь идет лишь о «войне за свои мысли».

Для многих Ницше до сих пор остается пугалом, проповедником идей фашизма, хотя давно обнаружено, что его пресловутая «Воля к власти» была сфабрикована из разрозненных рукописей. Тон его сочинений болезненно-претенциозный, подчас агрессивный, но обвинить его в пропаганде фашистских идей было бы большой натяжкой. При всем при том писал он талантливо. Идеологи национал-социализма взяли себе на вооружение идеи далекого от жизни больного философа, ибо со своим патологическим звериным здоровьем не могли создать ничего нового. Неужто не смущал их столь плачевный конец жизни Ницше? Может быть, философ сошел с ума оттого, что предвидел судьбу своих идей?

Анастасия Дроздова

СКАЗКА ПРО ДЕРЬМОКРАТИЮ

Как-то раз убежал один червяк из сумасшедшего дома. Он страдал манией величия и считал себя Борисом Николаевичем Ельциным. Упал он в кучу навоза, тут бы и пожрать, да не годится президенту без подхалимов дерьмо есть. Стал он помощников себе искать. Смотрит — кругом ползают жуки, пауки и прочая насекомая братия. И держал он перед сим народом речь: «Навозяне, граждане великой страны — Навозной Федерации! Это я, ваш президент, здесь, на куче дерьма и на вершине власти. Вы меня должны любить и все мои указы выполнять. Поэтому слушайте мой очередной указ: с настоящего момента все вы должны меня дерьмом кормить, в этой куче дерьма жить и сами дерьмом питаться, благо его здесь на всех хватит и потомкам останется. Производить больше не надо ничего, а нужно только дерьмо экспортировать и перераспределять. То, о чем так долго говорили и не смогли создать большевики, — я вам обеспечу — большевики называли это коммунизмом, но я как образованный политик знаю, что это и есть «общество всеобщего потребления дерьма». А кто откажется дерьмо потреблять — будет платить особый налог, а если не будет — им займутся компетентные органы. Слава Навозии! Слава ее героическому народу!».

Испугались тут жуки, пауки и прочая насекомая братия, послушав таких речей. Про общество всеобщего потребления он, конечно, хорошо сказал, но вот про поедание дерьма плохо. Но нашлось и много таких, которым эти популистские речи по душе пришлись, это в основном былиເжские там жуки навозные и опарыши. Обрадовались они и стали этому безумному червю подхалимами служить, благо ему для своих дерьма не жалко, ни импортного, ни отечественного. И наступила в этой куче навоза настоящая дерьмократия. Избрали они безумного червя пожизненным президентом без голосования и образовали две партии: жуки навозные все вступили в партию «Наш дом — дерьмо», а опарыши в Партию навозной справедливости. Издал президент конституцию, по которой надо Думу избирать, и завязли эти партии в предвыборной борьбе. Борются они между собой, а Червяк-Президент знай себе даровое дерьмо лопает, все равно он по конституции своей эту навозную Думу в любой момент разогнать сможет в случае чего.

Дерьмо-не-жующая оппозиция тоже на выборы решила идти. Но как тут объединиться? Ведь все они разное едят. Пчеле и бабочке нужен нектар, гусенице — листья, короеду — дрова, а кузнечику — трава. Красные муравьи — насекомые всеядные и коллективные, они компартию создали, а коричневые муравьи — Партию муравьиного национального единства (МуРНЕ). Так образовалась еще и красно-коричневая оппозиция. Избрали они фюрера и генсека и собрались на Всеобщий Сполз.

Принял Сполз красно-коричневой оппозиции резолюцию об образовании предвыборного блока и предвыборную платформу:

1). Дерьмократии не бывать, а дерьмо не жевать. Вся власть — Советам!

2). Нет — безработице! Всех построить стройными рядами и отправить на общественные работы по очистке Родины от дерьма.

3). Всем самкам — по самцу! Всем самцам — по бутылке запретного нектара!

4). Очистить навозную кучу от вшей, гнид, клопов и прочих паразитов. Все на борьбу с преступностью и тунеядством!

5). Превратим Навозную Федерацию во всеобщий национально-коммунистический муравейник!

Опарыши хотели было привлечь муравьев в Партию навозной справедливости, но те — отказались и объявили опарышей оппортунистами и врагами насекомых.

Главный Навозный Жук в условиях предвыборной борьбы совсем с ног сбился. Он все летает и летает по окраинам Навозной кучи и под знамена партии «Наш дом — дерьмо» собирает влиятельных жуков, тех, которые перераспределением государственного дерьма на местах занимаются. Он-то знает, на чьей стороне будет сила. Он уверен в победе. Ведь всем гражданам Навозной Федерации известно, что запасов товарного дерьма в его личных закромах хватит для того, чтобы всех чиновников купить с потрохами, и еще останется.

Тут на окраине кучи ЧП случилось — осы восстали. Они дерьмо жрать не пожелали и объявили национальную независимость. Война началась. Жуки и опарыши на танках ос поехали усмирять, осы не сдались и многих опарышей зажалили до смерти. Их и с воздуха бомбили, и ракетами обстреливали, но они не сдаются. Они вылазку устроили и захватили тысячу заложников. После этого Главный Навозный Жук и Червяк-Президент с ними переговоры ведут, а параллельно бомбят и ракетами обстреливают и ос, и заложников. Червяк-Президент по телевидению говорит: «Великая Навозия была и будет единая и неделимая!», — а Главный Навозный Жук ему вторит: «Мы не допустим передела источников дерьма!».

Жители Навозной Федерации, которые дерьмо не жуют и не коллективные, как муравьи, отказались особый налог «за непотребление дерьма» платить. На словах все они, конечно, за законность и порядок, но на деле дерьмо не едят, а свои доходы от налогообложения скрывают и расплачиваются исключительно наличными деньгами. И случился в Навозии финансовый кризис. Мелкие банки начали лопаться, а за ними и крупные. Дерьмодобывающие шахты и дерьмоперерабатывающие заводы встали из-за кризиса неплатежей. Был введен в экстренном порядке принудительный валютный коридор курса доллара к дерьмовому рублю. Разразился очередной виток инфляции, а принудительный валютный курс сделал невыгодным экспорт основного промышленного продукта Навозии за рубеж. Экспорт дерьма сократился, и поток дерьмодолларов из-за границы оскудел.

Дерьмо-не-жующие-и-не-коллективные тоже на выборы хотели идти, но не смогли выработать общую предвыборную платформу. Да и как ее выработаешь, если одним подавай нектар, другим — листья, третьим нужна трава, а четвертым — дрова. Создали они союзы потребителей и партии предпринимателей, но объединиться в общий блок не пожелали. Поэтому их поражение на выборах было предопределено.

Наступил день выборов. Все жители Навозной Федерации на выборы приползли голосовать. На вершине навозной кучи установили огромную урну для сбора избирательных бюллетеней. Ее привезли из-за границы. Она была выполнена в форме унитаза и нашпигована новейшей электроникой и могла считать бюллетени автоматически. Эту избирательную технологию сам Главный Навозный Жук за кордон покупать ездил. Он ее и подключал к компьютеру, который результаты голосования должен обрабатывать. Он-то знал, чего покупать! Для себя он один кабель припас, который к урне-унитазу был подключен, и провел его в предвыборный штаб партии «Наш дом — дерьмо», а там секретную компьютерную систему установил, которая его партии голоса при подсчете прибавляет, а другим убавляет.

Если по совести, то на выборах победить должны были красно-коричневые коллективные муравьи, а второе место должны были бы занять опарыши из «Навозной справедливости» — их больше всего в дерьме развелось, но они против коллективности муравьев слабы. Но по официальным протоколам победил «Наш дом — дерьмо», а красно-коричневые и «Навозная справедливость» заняли соответственно второе и третье места по количеству полученных мандатов в Думу. Но тут Частному Хозяину двора, где эта куча навоза лежала, надоело за всей этой катавасией наблюдать, и он эту кучу навоза из своего двора решил вывезти.

Сказано — сделано. Погрузили наемные работники весь навоз в самосвал, вывезли на ближайшее картофельное поле и бульдозером кучу разровняли. Разбежались опарыши, уполз сумасшедший Червяк—Президент, улетел бывший Главный Навозный Жук искать другую навозную кучу. Тут и сказке, и дерьмократии настал конец. А мораль сей сказки такова: Частный Хозяин, коли лежит у тебя на дворе куча навоза — вывези ее вовремя в поле, иначе одолеет твой двор и хозяйство насекомая ползучая дерьмократия.

Бек Дурдыев

Пишите нам по адресу:,
125414, Москва, ул. Онежская, д. 40, кв. 113, Любимцевой Валерии Григорьевне.
☎ 453-37-76, ☎&fax 150-45-73
E-mail: dsifo@glas.apc.org

Бывшие главные редакторы газеты: Александр Чуев — 1988 г., Эдуард Молчанов — 1988—1991 г.г., Ирина Алешина — 1991—1992 г.г.

© «Свободное слово», № 3 (122), М., 1995. Сентябрь. Цена свободная. Выходит 8—10 раз в год.
Рукописи принимаются в машинописном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Зарегистрировано в Московской РИ и ЗСПиМИ (регистрационное свидетельство А-0352).

Отпечатано в Мытищинской межрайонной типографии
Заказ № 4220 Тираж 5000 экз.